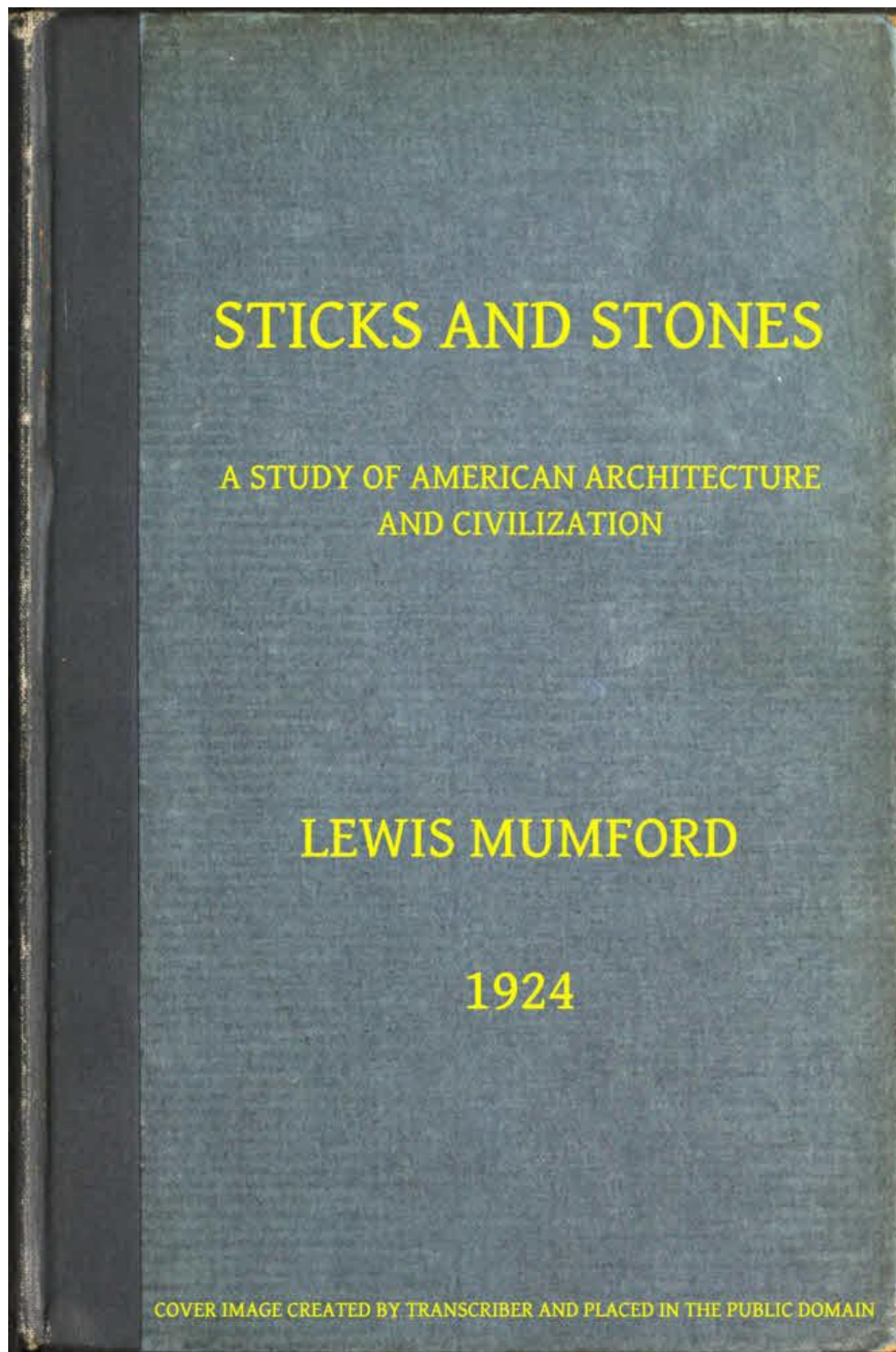

Палки и камни: исследование американской архитектуры и цивилизации

Льюис Мамфорд

Электронная книга проекта Гутенберга из палочек и камней: исследование американской архитектуры и цивилизации

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Палки и камни: исследование американской архитектуры и цивилизации

Автор: Льюис Мамфорд

Дата выхода: 25 февраля 2021 г. [Электронная книга № 64629]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторы: Тим Линделл, Крейг Кирквуд и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА"ПАЛКИ И КАМНИ: ИССЛЕДОВАНИЕ
АМЕРИКАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ" ***

ПАЛКИ И КАМНИ

STICKS AND STONES

A STUDY OF AMERICAN ARCHITECTURE
AND CIVILIZATION

LEWIS MUMFORD

BONI AND LIVERIGHT
PUBLISHERS :: :: NEW YORK

ПАЛКИ И КАМНИ

ИССЛЕДОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ
И ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЛЬЮИС МАМФОРД

Издатели BONI И LIVERIGHT
:: :: Нью-Йорк

Авторское право, 1924,
Бони и Liveright, Inc.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Архитектура, правильно понятая, — это сама цивилизация.
-У. Р. Летаби

Что такое цивилизация? Это очеловечивание человека в обществе.
—Мэтью Арнольд.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ	13
II. НАСЛЕДИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	35
III. КЛАССИЧЕСКИЙ МИФ	53
IV. ДИАСПОРА ПЕРВОПРОХОДЦА	75
V. ПОРАЖЕНИЕ РОМАНТИЗМА	99
VI. ИМПЕРСКИЙ ФАСАД	123
VII. ЭПОХА МАШИНЫ	155
VIII. АРХИТЕКТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ	193
ENVOI	237
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ	241

БЛАГОДАРНОСТЬ

Это попытка оценить архитектуру Америки с точки зрения нашей цивилизации. Я не стремился критиковать отдельные здания или тенденции: скорее, я пытался, подходя к нашим современным проблемам с их исторической стороны, критиковать силы, которые из века в век обуславливали нашу архитектуру и изменяли ее формы. Чтобы моя цель не была неправильно понята, я опустил иллюстрации, ибо здание - это не просто вид, это переживание, а тот, кто знаком с архитектурой только по фотографиям, не знает ее вообще. Если отсутствие картинок побудит читателя время от времени отрываться от орбиты своих повседневных прогулок и самостоятельно изучать наше развитие в городах и зданиях, это будет в достаточной степени оправдано.

Эта книга не была бы написана, если бы не настойчивая поддержка и доброжелательный интерес мистера Альберта Джея Нока: и именно в "Фримене" появились первые пять глав в несколько более краткой форме. Я также выражаю сердечную благодарность мистеру Чарльзу Харрису Уитекеру, чья личная помощь и чья замечательная общественная деятельность в качестве редактора журнала Американского института архитекторов возложили на меня большие обязательства. Мой интеллектуальный долг перед господами. Виктору Брэнфорду и Патрику Геддесу будет очевиден для тех, кто следил за их работой. В заключительных главах меня во многих местах стимулировали и направляли неопубликованные отчеты и меморандумы, написанные мистером Кларенсом Стейном, мистером Бентоном Маккеем и мистером Генри Райтом. Моя дружеская благодарность также адресована мистеру Джеймсу Хендерсону, мистеру Джероиду Танкуари Робинсону и мисс Софии Виттенберг.

Помимо эссе в The Freeman, некоторые материалы в Sticks and Stones появлялись в журнале Американского института архитекторов (глава шестая), в The New Republic и в American Mercury. Я благодарю редакторов за разрешение использовать эти статьи.

Льюис Мамфорд.

ГЛАВА ПЕРВАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ

Я

В течение примерно ста лет после своего заселения в Америке жил и процветал тип сообщества, который быстро исчезал в Европе. Это сообщество было воплощено в деревнях и поселках, чьи мумифицированные останки даже сегодня обладают укоренившимся достоинством, которым не часто обладают самые гигантские мегаполисы. Если мы хотим понять архитектуру Америки в период, когда хорошее строительство было почти повсеместным, мы должны кое-что понять о том образе жизни, который поддерживало это сообщество.

Главный образец средневековой традиции находится в деревне Новой Англии.

Есть две или три вещи, которые мешают нам увидеть жизнь деревни в Новой Англии; и одна из них - это миф о первопроходцах, представление о первых поселенцах как о свободной группе “американцев”, сбрасывающих потрепанную одежду Европы и начинающих жизнь заново в дикой местности. Заселение побережья Северной Америки, далекое от того, чтобы дать начало новой жизни, на некоторое время продлило социальные привычки и экономические институты, которые быстро разрушались в Европе, особенно в Англии. В деревнях Нового Света тлели последние угасающие угольки средневекового порядка.

В то время как в Англии общинные земли конфисковывались в пользу аристократии, а пахотные земли превращались в овчарни для наживы крупных собственников, в Новой Англии общинные земли были восстановлены с основанием нового поселения. В Англии разорившихся крестьян и йоменов загоняли в крупные города, чтобы они стали случайными работниками, прислужой и солдатами; в Новой Англии, с другой стороны, поначалу только угрозами наказания и призыва на военную службу городских рабочих удерживали от выезда в сельскую местность в поисках более независимой жизни от земли. Точно так же, как архаичная речь елизаветинцев сохранилась в горах Кентукки, так и средневековые в свои лучшие времена сохранилось на побережье Аппалачей; и в организации наших деревень в Новой Англии можно увидеть большее сходство со средневековой утопией сэра Томаса Мора, чем с классической республикой в стиле Монтескье, которая на самом деле была основана в восемнадцатом веке.

Колонисты, которые стремились основать постоянные сообщества — в отличие от тех, кто возводил только торговые посты, - были мало похожи на тех, кого греческие города привыкли сажать на побережье Средиземного и Черного морей. Подобно основателям “Древнего города”, пуритане сначала озаботились возведением алтаря или, скорее, закладкой фундамента здания, отрицавшего религиозную ценность алтарей. В самых грубых “дымчатых вигвамах”, как отмечает один из ранних наблюдателей, пуритане не забывают “петь псалмы, молиться и восхвалять своего Бога”; и хотя мы сегодня можем считать их религию суровой и отрицательной, мы не можем забывать, что она была центральным моментом их существования, а не запоздалой мыслью, наваленной на материальное процветание ради хорошего внешнего вида. Материальные блага составляли основу, но не цель их жизни.

Дом собраний определял характер и границы сообщества. Как говорит Уиден в своей превосходной экономической и социальной истории Новой Англии, поселенцы “расположили деревню в наилучшем порядке для достижения двух целей: во-первых, обработки и культивирования почвы; во-вторых, поддержания ”гражданского и религиозного общества". Вокруг молитвенного дома остальная часть сообщества сформировалась по определенной схеме, плотной и однородной.

Ранняя провинциальная деревня имеет еще одно сходство с ранним греческим городом: она не продолжает расти такими темпами, чтобы либо перенаселиться внутри, либо выплеснуться за свои пределы в унылые пригороды; еще меньше она стремится к тому, что мы иронически называем величием, увеличивая число своих жителей. Когда в корпорации достаточное количество членов, то есть когда земля достаточно занята, и когда добавление большего количества земли неоправданно увеличило бы трудности при ее обработке из города или рассредоточило бы фермеров и затруднило бы им выполнение своих религиозных и гражданских обязанностей, первоначальное поселение выпускает новый побег. Так Чарльзтаун отбросил Воберн; так Дедхэм колонизировал Медфилд; так Линн основала Нахант.

Пуритане знали и применяли принцип, на который давным-давно указал Платон в "Республике", а именно, что разумное и социализированное сообщество будет продолжать расти только до тех пор, пока оно может оставаться единым целым и поддерживать свои общие институты. После этого момента рост должен прекратиться, иначе сообщество распадется и перестанет быть органичной вещью. С экономической точки зрения этот метод общественного развития поддерживал стоимость земли на достаточно низком уровне и предотвращал поглощение земли ради спекулятивного роста. Преимущество пуританского метода заселения становится очевидным, если сравнить его с раем торговцев Манхэттена; ибо к середине семнадцатого века вся земля на острове Манхэттен находилась в частной собственности, хотя обрабатывалась лишь небольшая ее часть, и зубы монополии так жадно вгрызались в этот прекрасный кусок, что там уже ощущалась нехватка жилья.

Еще одно сходство: все жители ранней деревни Новой Англии были совладельцами корпорации; они принимали в сообщество только столько членов, сколько могли ассимилировать. Это совместное партнерство было основано на здравом смысле относительно целей сообщества и на примерно равном разделении земли на отдельные участки, взятые в безвозмездное пользование, и на доле общих полей, которых могло быть полдюжины или больше.

Существуют различные местные различия в распределении земли. Во многих случаях священник и дьяконы имеют большую долю, чем остальная часть общины; но в Чарльзтауне, например, у самых бедных было шесть или семь акров лугов и двадцать пять или около того возвышенностей; и это было бы вполне справедливо во всех поселениях. Охраняется не только членство в сообществе: право занимать и передавать землю также ограничено, и снова и снова перед лицом Генеральной ассамблеи маленькие деревни принимают меры к тому, чтобы земля не переходила из рук в руки без согласия корпорации; “это наше истинное намерение”, как выразились бюргеры Уотертауна, “расположиться там поближе друг к другу”.

У этих правил есть и положительная сторона; в некоторых случаях города помогали более бедным членам корпорации строить дома, и когда новый член избирался сообществом, участки распределялись немедленно, без лишних церемоний. Один мой друг назвал эту систему

“коммунизмом янки”, и я с радостью довожу этот институт до сведения тех, кто не осознает, на каких подрывных принципах исторически зиждется американизм.

То, что верно для семнадцатого века в Новой Англии, справедливо и для восемнадцатого века в моравских поселениях Пенсильвании; и это, несомненно, верно для многих других малоизвестных колоний; ибо тот же дух сохранился, с параллельным результатом в архитектуре и промышленности, в утопических сообществах девятнадцатого века. Совершенно очевидно, что этот тип первопроходчества, этот определенный поиск хорошей жизни проводился на совершенно ином уровне, чем безжалостная эксплуатация отдельных мусорщиков, которые выходят на тропу к западу от Аллегани. Такие возрождения ранней европейской культуры, как Фестиваль Баха в Вифлееме, дают нам представление о культурных ценностях, которые средневековое сообщество перенесло из Старого Света в Новый. Часть этого духа сохранилась даже в архитектуре общины шейкеров в Маунт-Лебанон, штат Нью-Йорк, которая была построена еще в девятнадцатом веке.

В отличие от деревенской общины Новой Англии, здесь был торговый пост. Такого рода были маленькие городки в Новых Нидерландах, которые были основаны там Голландской Вест-Индской компанией: поселенцами по большей части были либо измученные люди, которых заманили в Новый Свет перспективы хорошей жизни, либо люди высокого ранга, которые испытывали искушение оставить торговлю ради почета и достатка, которые были связаны с феодальным владением большими поместьями, расположенными вдоль Гудзона.

Зародыши городской жизни пришли вместе с этими людьми, и чистая необходимость обратила часть их энергии на сельское хозяйство, но они не развили ту сплоченную деревенскую общину, которую мы находим в Новой Англии; и хотя Новый Амстердам был точной копией порта Старого Света с его кирпичными домами с остроконечными крышами, каналами с глубокими берегами и прекрасными садами, он не оставил определенного следа на американской сцене. Только загородная архитектура голландцев сохранилась как реликвия или воспоминание. Такие торговые посты, как Манхэттен и Форт-Ориндж, были, как выразились господа. Петерсен и Эдвардс в своем исследовании показали, что Нью-Йорк был муниципалитетом восемнадцатого века, средневековым по своей экономике: в городе продолжали действовать многочисленные цеховые и гражданские постановления, которые предусматривали соблюдение правил взвешивания, измерения и изготовления изделий. С другой стороны, в своих внешних сделках торговцы отличались отточенностью, и каждый был сам за себя. Начав свою жизнь с торговли предметами первой необходимости, торговый пост заканчивает необходимостью торговаться; и именно толчок к его первоначальным коммерческим привычкам определил характеристики несостоявшегося плана города, который был разработан для острова Манхэттен в 1811 году. Каким бы богатым ни был голландский прецедент с отдельными фермерскими домами, он не дает нам образца, подобного тому, который мы находим в Новой Англии, для сообщества в целом.

II

Поскольку мы привыкли смотреть на деревню как на причудливый примитивный пережиток ушедшей эпохи, нам нелегко понять, что ее форма была продиктована социальными и экономическими условиями. Там, где деревне приходилось защищаться от индейцев, ее необходимо было полностью застроить, чтобы ее можно было окружить частоколом и чтобы молитвенный дом мог быть таким же объединяющим центром, каким была колокольня или

замок в Европе, или каким было высокое храмовое сооружение в классические времена. Но в восемнадцатом веке индейцы меньше фигурировали в схеме колониальной жизни, и вдоль морского побережья и рек — как в Уэллс—Бич в штате Мэн или Личфилде в Коннектикуте - деревня превратилась в длинную полосу на большой дороге, а пахотные земли тянулись узкими участками от дома до воды, чтобы фермер мог лучше защищать свой урожай и скот от лисы, волка, сурка, ястреба, скунса и оленя.

Я подчеркиваю эти моменты структуры из-за глупого представления, которое поверхностные наблюдатели иногда выносят из деревень Европы или Новой Англии; а именно, что их неправильность совершенно капризна и неэкономична, ассоциируясь только с капризами заблудившейся коровы. Правильнее было бы сказать, что верно как раз обратное. Неравенство в размере и форме участков всегда показывает, что внимание уделялось функции, которую должна была выполнять земля, а не простому владению собственностью. Таким образом, существовала разница в размерах между приусадебными участками, которые всегда располагались в деревне, и чисто сельскохозяйственными участками земли, которые обычно находились на окраинах; и в Дедхэме, например, женатые мужчины имели приусадебные участки площадью в двенадцать акров, в то время как холостяки получали только восемь. Другой причиной компактности деревни было постановление Суда общей юрисдикции штата Массачусетс в 1635 году о том, что ни на одной новой плантации ни одно жилище не должно располагаться дальше, чем в полумиле от молитвенного дома. Даже неровности в планировке и размещении домов, которые нельзя отнести к таким очевидным моментам, как эти, очень часто возникают из-за попытки изменить направление ветра, получить хорошую экспозицию летом или насладиться видом.

Все это было настоящим общественным планированием. Возможно, оно не носило такого названия, но оно дало результат.

III

В последние годы мы научились ценить великолепие колониальной архитектуры восемнадцатого века, и даже более ранний стиль семнадцатого века теперь вступает в свои права в том смысле, что ему подражают архитекторы, у которых есть склонность к живописным эффектам; но мы совершенно теряем перспективу, если думаем, что очарование старого дома в Новой Англии можно вернуть, спроектировав нависающие вторые этажи или отделав интерьеры панелями. Правильный дизайн, тщательное исполнение, изысканный стиль, который объединяет все дома в гармонии, независимо от того, насколько разнообразны цели, которым они служили, — поскольку фермерский дом имеет общие черты с мельницей, а мельница - с молитвенным домом, — были результатом общего духа, питаемого людьми, которые справедливо разделили землю и вместе делили невзгоды и удачу. Когда нужно возводить каркас дома, соседи мужчины протягивают ему руку помощи; если урожай в опасности, каждый мужчина выходит в поле, даже если на карту не поставлен его собственный урожай; если кит разбивается о берег, даже самый маленький мальчик протягивает руку помощи и получает долю награды. Все эти практики не обошлись без тонкого воздействия на мастерство.

Воспитанный в традициях своей гильдии, средневековый плотник вкладывает в работу все силы. Поскольку продажа не является предметом сделки, предоставление ему лучших материалов выгодно как для его покровителя, так и для него самого - максимально использовать

их. Если поначалу, в спешке заселения, колонисты довольствуются временными постройками, то, тем не менее, они построены в традиционном стиле — не в бревенчатых хижинах более поздних времен, а, что более вероятно, в плетеных хижинах, похожих на хижины углежогов в английских лесах. В некоторых местах преобладающие английские традиции не соответствуют суровому климату севера, и в настоящее время фахверковые дома некоторых первых поселенцев были обшиты вагонкой для большего тепла, поскольку в восемнадцатом веке их интерьеры были обшиты сосновыми или дубовыми панелями вместо грубой штукатурки. Независимо от материала или способа изготовления, плотник работает не просто по найму, а ради самой жизни, и, как пекарская дюжина насчитывает тринадцать штук, так и изделие ручной работы содержит не только саму работу, но и частичку души работника, для верности. Новое изобретение крыши gambrel, которое дало дополнительное пространство второму этажу, не поднимая каркас крыши, является продуктом этой системы; а вариации в ее длине и уклоне в Новой Англии, Нью-Джерси и Нью-Йорке свидетельствуют о свободе дизайна, которая преобладала на протяжении всей работы.

Эти дома семнадцатого века, построенные сначала с одной или двумя комнатами, а затем, по мере роста роскоши и увеличения потребностей семьи, до четырех, несомненно, показались бы жителю Флористических Высот невыразимо грубыми и убогими; действительно, если бы наши нынешние потребности в жилье были такими простыми, было бы не так сложно восполнять нашу вечную нехватку. На самом деле, однако, эти ранние провинциальные дома вполне соответствовали стандартам для аналогичной усадьбы в Англии; и в некотором смысле это был явный прогресс. Точно так же, как несколько сотен лет назад все отдельные блюда ресторанного меню готовились в одном котле, так и различные подразделения современного дома изначально были объединены в единую комнату, которая была не просто кухней, мастерской и жилыми помещениями, но и, по крайней мере зимой, служила конюшней для более деликатных обитателей скотного двора. К тому времени, когда Америка была заселена, разделение на комнаты только началось среди лучших фермеров: сарай отделился от остальной части дома, а спальня превратилась в отдельную квартиру. По мере того как семнадцатый век удлинялся, такое разделение функций становилось все более привычным в провинциальном доме.

Давайте кратко взглянем на одно из этих зданий семнадцатого века; скажем, на дом Джона Уорда в Салеме, который до сих пор сохранился как реликвия. Приближаясь к деревне ноябрьским днем, когда листья на деревьях больше не заслоняют вид, ощущаешь динамичность средневековой архитектуры — качество, совершенно отличное от расчетливой регулярности более позднего георгианского стиля. Дело не только в раскрашенных фронтонах, освинцованных окнах с ромбовидными стеклами, нависающих вторых этажах, хотя все это, возможно, напомнило бы нам средневековый европейский город. Что могло бы привлечь, так это ощущение не формального абстрактного дизайна, а роста: дом развивался по мере того, как семья в нем процветала и рожала детей; по мере того, как сыновья и дочери женились, по мере того, как детей становилось все больше, происходили пристройки: например, благодаря пристройке в одном конце кухня обрела отдельное существование; и эти неокрашенные, потрескавшиеся от непогоды массивы дуба создают кумулятивное богатство эффекта.

Каждый шаг, приближающий человека к дому, изменяет соотношение плоскостей, образованных фронтонами; и поэтому на этих старых деревенских улочках, должно быть, производился тот же эффект, что и сегодня, когда огибаешь, скажем, Собор Парижской

Богоматери в Париже, то подавленный башнями спереди, то видящий, как они превращаются в ничто из-за высокого шпиля сзади. Таким образом, здание кажется находящимся в движении так же, как и зритель; и это качество радует глаз ничуть не меньше, чем формальное убранство, которого в архитектуре семнадцатого века в Америке почти полностью не было.

У пуритан были свои недостатки, и это отсутствие декора было, пожалуй, самым важным в архитектуре. В своей преданности книгам и любви к музыке, даже к псалмопениям, пуританин не был невосприимчив к искусству; но он с подозрением относился к образу, и возникает искушение усмотреть в его разрушении идола положительный дефект зрения, сродни дальтонизму или дальтонизму квакеров. В то время как средневековая архитектура лелеяла скульптора и живописца даже в самых обычных народных работах, пуритане смотрели на любое развлечение глаз как на отвлечение от Господа, и, запретив респектабельный союз между художником и полезными искусствами, они в конце концов выгнали художника на улицу, чтобы он потворствовал первому уважаемому джентльмену, который одарил бы его добрым словом или монетой. В то время как пуританские здания семнадцатого века были прямыми и честно стремились выполнять свои функции, пуритане не понимали, что орнамент сам по себе тоже может быть функциональным, когда он выражает какой-то позитивный жест духа. Скудость семнадцатого века проложила путь к утонченному изяществу восемнадцатого.

IV

Однако в целом и жизнь, и архитектура первого провинциального периода вполне здоровы. В то время как сельское хозяйство является основой жизни, а средневековые традиции процветают, деревня Новой Англии достигла довольно высокого уровня мирского совершенства; и, несмотря на все поверхностные изменения, которые затронули ее в последующие полтора столетия, ее прочная структура сохранилась на удивление хорошо.

Рассмотрим саму деревню. В центре находится община, немного в стороне будет молитвенный дом, возможно, квадратное строение, похожее на сарай, с шатровой крышей и куполом, как в Хингеме; а рядом или через дорогу будет находиться средняя школа. Вдоль дорог, где дома расположены через равные промежутки, тянется огромная колоннообразная аркада из вязов. Все эти элементы необходимы для нашей ранней провинциальной архитектуры, и без них она была бы немного голой и отталкивающей. Деревья, прежде всего, являются важной частью архитектуры Новой Англии: летом они впитывают влагу и охлаждают воздух, помимо того, что дают тень; зимой их огромные стволы служат частичной защитой от ветра; даже перегной из их листьев поддерживает почву на газонах в лучшем состоянии. Яблони, которые растут с более теплой стороны дома, не менее важны. Будет ли преувеличением сказать, что никогда не было более полного и разумного партнерства между землей и человеком, чем существовавшее некоторое время в старой деревне Новой Англии? В какой еще части мира сохранился такой гармоничный баланс между природной и социальной средой?

В настоящее время мы начали говорить о городах-садах и понимаем, что важнейшими элементами города-сада являются совместное владение землей сообществом, а также совместное владение и руководство самим сообществом. Мы относимся ко всем этим вещам так, как если бы они представляли собой выдающееся достижение современной мысли; но факт остается фактом: деревня Новой Англии вплоть до середины восемнадцатого века была городом-садом во всех смыслах, которые мы сейчас применяем к этому термину, и, к счастью,

ее сады и гармоничная структура часто сохранялись, даже несмотря на то, что экономические основы были давно разрушены.

Это средневековая традиция в американской архитектуре, которая должна быть полезна нашим архитекторам и градостроителям; поскольку это гораздо более существенный вопрос, чем строительство перпендикулярных церквей или загородных домов в стиле тюдор в болезненно археологических адаптациях. Если мы хотим сохранить нашу колониальную традицию, мы должны восстановить нечто большее, чем архитектурные формы: мы должны восстановить интересы, стандарты, институты, которые придавали деревням и зданиям прежних времен соответствующие формы. Сделать гораздо меньше - значит просто вернуть моду, которая с таким же успехом может быть египетской, как и “колониальной”, при всей искренности, которую она демонстрирует.

ГЛАВА ВТОРАЯ НАСЛЕДИЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Я

Силы, подорвавшие средневековую цивилизацию Европы, высосали жизненные силы из маленьких центров, которые она создала в Америке. То, что произошло в течение трех-четырех столетий в Европе, заняло по эту сторону Атлантики едва ли сто лет.

В экономическом и культурном отношении деревенская община была довольно самодостаточна; она обходилась своими непосредственными ресурсами, и если не могла приобрести для себя “все самое лучшее”, то, по крайней мере, максимально использовала то, что у нее было. В каждой детали строительства дома, от расположения каминов до наклона крыши, были местные особенности, которые отличали не только голландские поселения от английских, но даже несколько поселений в Род-Айленде, которые находились на расстоянии всего одного дня ходьбы друг от друга. Ограниченность материалов и глубокое незнание плотником понятия “стиль” способствовали свободе и разнообразию. Восемнадцатому веку оставалось установить единый канон вкуса.

С концом семнадцатого века экономическая основа провинциальной жизни переместилась с фермы на море. Это изменение оказало на Новую Англию, где процветала только собственно деревенская община, тот же эффект, который торговля мехами оказала на Нью-Йорк: оно нарушило внутреннее единство деревни, предоставив отдельным людям возможность благодаря тому, что было буквально “удачной добычей”, достичь финансового превосходства. Рыбаки - это добытчики воды. Вместо долгого, тщательного ухода, который фермер должен проявлять от посева до сбора урожая, рыбная ловля требует острого глаза и быстрой, тяжелой работы; и поскольку то, что немцы называют *Ситцфляйш*, не является одним из главных качеств свободного парня, неудивительно, что море отучило молодежь Новой Англии от тяжелой работы на ее усыпанных валунами фермах. Благодаря рыболовству, торговле и строительству деревянных судов для продажи в иностранных портах богатство хлынуло в морскую Новую Англию; и то, что последовало за этим, вряд ли нуждается в объяснении.

Эти деревни перестали быть общинами фермеров, обрабатывающих землю и стоящих прямо на своей собственной земле: они превратились в торговые города, которые, вместо того чтобы зарабатывать на жизнь торговлей, просто жили ради торговли. С этим изменением возникли касты; сначала произошло разделение между бедными и богатыми, а затем между ремесленниками и торговцами, между независимыми работниками и прислугой. Общие интересы всех горожан отошли на второй план: привилегии крупных землевладельцев и купцов препятствовали развитию общины. Бостон к середине восемнадцатого века был богат общественными зданиями, в том числе четырьмя школами, семнадцатью церквями, Городским домом, Провинциальным домом и Фаней-холлом — довольно большая коллекция для города, двадцати тысяч жителей которого едва хватило бы на один многоквартирный дом в Бронксе. Но к этому времени тысяча жителей были признаны бедными, и для них были созданы богадельня и рабочий дом.

С ростом купеческого класса промышленная гильдия начала ослабевать, как это было в Европе в эпоху Возрождения. Около ста лет плотник-строитель продолжал оставаться на сцене и работать в своей прямой, кропотливой и честной манере; но в середине восемнадцатого века к нему впервые присоединился профессиональный архитектор, первым из которых, вероятно, был Питер Харрисон, спроектировавший Библиотеку Красного дерева, которая до сих пор стоит в Ньюпорте. В условиях конкуренции с архитекторами и любителями вкуса плотник-строитель потерял свое положение независимого мастера, строящего разумно для равных себе: он был вынужден противостоять быстрому разрушительному влиянию, принесенному из чужих стран людьми, побывавшими в портах мира; и он должен был поднять свои паруса, чтобы уловить новые ветры моды.

Что это были за ветры и какое влияние они оказали на архитектуру того времени?

Большинство влияний, пришедших через торговлю, повлияли только на архитектурный акцент; язык оставался домашним просторечием. В середине восемнадцатого века Китай прислал обои; а в музее Метрополитен есть американский лакированный шкаф, датированный 1700 годом, украшенный малопонятными китайскими фигурками из позолоченного гипса. Сам “Китай” пришел на смену оловянной и фаянсовой посуде в более изысканных домах; в то время как в садах больших поместий были в моде павильоны и пагоды, выполненные более или менее в китайской манере. Даже Томас Джефферсон, с его безупречно классическим вкусом, спроектировал такой павильон для Монтчелло еще до революции.

Это специфическое китайское влияние было частью того большого, эклектичного восточного влияния восемнадцатого века. Культурный дух, породивший "Lettres Persanes" Монтескье, также привел к переводу китайской, персидской и санскритской классики, а более прямым путем доставил домой турецкие халаты, тюрбаны и тапочки бостонским торговцам. На картине Николаса Бойлстона, написанной Копли в 1767 году, эти турецкие орнаменты комично выделяются на фоне коринфской колонны на заднем плане; и эта колонна напоминает нам о главном влиянии того времени — влиянии классической цивилизации. Это влияние вошло в Америку сначала как декоративный мотив и прошло только после того, как стало доминирующим мотивом в жизни.

Эпоха Возрождения была ориентацией европейского сознания на формы римской и греческой цивилизации и на смысл классической культуры. С другой стороны, его импульс был явно освобождающим: он освобождал человеческую душу из камеры мучений, в которой не было никаких интересов или деятельности, балансирующих между низменными удовольствиями мирской жизни и блаженствами небес. С Эпохой Возрождения бог-зверь снова стал человеком. Более того, как раз тогда, когда католическая культура христианского мира рушилась под влиянием ереси и скептицизма, классики донесли до образованных людей Европы общую тему, которая спасла их от полного интеллектуального бродяжничества. Влияние классической цивилизации, с другой стороны, не было однозначным благом: поскольку оно слишком быстро привело к стереотипизации в старых формах духа, который только что возродился, и установило рабский принцип в искусстве, который отчасти был ответственен за крушение как вкуса, так и мастерства.

Первые строители эпохи Возрождения в Италии не были в первую очередь архитекторами; они были скорее непревзойденными художниками в мелких ремеслах; и их главным недостатком было, возможно, то, что они хотели наложить свой личный отпечаток на все тысячи деталей скульптуры, живописи и резьбы, которые до сих пор были предоставлены скромному мастеру. В настоящее время технические знания о внешней отделке здания стали пробным камнем к успеху; а буквальное понимание произведений старины заняло у меньших людей место личного вдохновения. Результатом было то, что архитектура все больше и больше сводилась к бумажным чертежам и точным археологическим измерениям; рабочий был обречен добросовестно, рабски выполнять детали, которые сам архитектор приобрел аналогичным образом. Так архитектор перестал быть мастером-строителем, работающим среди товарищей с большим опытом и путешествиями: он стал джентльменом эпохи Возрождения, который просто отдавал приказы своим слугам.

Виктор Гюго сказал в "Соборе Парижской Богоматери", что печатный станок разрушил архитектуру, которая до сих пор была каменной летописью человечества. Однако настоящий проступок печатного станка заключался не в том, что он отнял литературные ценности у архитектуры, а в том, что он заставил архитектуру черпать свою ценность из литературы. С эпохой Возрождения огромное современное различие между грамотными и неграмотными распространилось даже на строительство; мастер-каменщик, знавший свой камень, своих рабочих, свои инструменты и традиции своего искусства, уступил место архитектору, знавшему своего Палладио, своего Виньолю и своего Витрувия. Архитектура, вместо того чтобы стремиться оставить отпечаток счастливого духа на поверхности здания, стала простым вопросом грамматической точности и произношения; и архитекторы семнадцатого века, которые восстали против этого режима и создали барокко, чувствовали себя как дома только в увеселительных садах и театрах принцев. Для обычных архитекторов, особенно в северных странах, Пять Орденов стали столь же непререкаемыми, как восемьдесят одно правило латинского синтаксиса. Строить со стрельчатой аркой было варварством, строить с пренебрежением к формальной симметрии было варварством, позволять простому рабочему реализовывать свой индивидуальный вкус в резьбе означало рисковать вульгарностью и потворствовать устаревшему чувству демократии. Классики, это правда, заново объединили Европу в католической культуре; но, увы! только праздные высшие классы могли полностью

завладеть новым царством разума. Пять орденов оставались прочно укрепленными по одну сторону, “низшие ордена” - по другую.

Отныне архитектура живет по правилам. Сначала это Палладио и Виньола; затем Берлингтон и Чемберс; затем, после середины восемнадцатого века, "Афинские древности" братьев Адама и Стюарта. Более простые работы с подробными рецептами строительства в модном стиле появились в конце семнадцатого века среди плотников и строителей помельче; и они широко использовались в Америке в качестве руководства по вкусу и технике вплоть до середины девятнадцатого века. Именно благодаря этой книге архитектура восемнадцатого века от Санкт-Петербурга до Филадельфии казалась созданной единым умом. Мы называем этот стиль георгианским, потому что огромное количество подобных зданий было построено в Англии в результате общего коммерческого процветания этой страны; но это было обычным явлением везде, где европейская цивилизация предпринимала какие-либо новые архитектурные усилия, и если мы называем этот стиль “колониальным” в Америке, это не означает какого-либо особого упущения или отсутствия различий.

Ренессанс в архитектуре достиг Англии примерно во время Великого пожара (1666 г.), целых два поколения спустя после того, как итальянское влияние проникло в английскую литературу; а в Америку оно пришло, как нетрудно догадаться, примерно поколением позже. Александру Поупу, который сам был послушным августинцем, оставалось с классической точностью изложить ситуацию лорду Берлингтону, опубликовавшему "Римские древности" Палладио:

“Ты показываешь нам, что Рим был славным, а не расточительным,

А помпезные здания когда-то были предметом обихода.

И все же, милорд, ваши справедливые и благородные правила останутся неизменными

Наполните половину страны фальшивыми дураками;

Кто возьмет случайные рисунки с ваших листов

И из-за одной красоты совершается много грубых ошибок”.

Эти строки были предупреждением и пророчеством. Предупреждение было своевременным, и пророчество сбылось, за исключением тех районов, где плотник продолжал заниматься своим ремеслом без руководства архитектора.

III

Первым результатом ренессансных форм в Америке было не разрушение просторечия, а его совершенствование; поскольку оно обеспечило плотника-строителя, чья удаленность от Европы не позволяла ему воспользоваться энергичной работой его предков, рядом орнаментальных мотивов. Новая Англия, находившаяся под влиянием идолопоклоннического пуританизма, была необычайно бедна в убранстве, как я уже отмечал: ее скромный архитектурный эффект зависел исключительно от массы, цвета и удачного расположения деталей. В своем декоративном аспекте средневековые оставило лишь след в Америке: резные

гротескные головы на фасаде особняка Ван Кортландтов в Нью-Йорке и расписные украшения в некоторых старых домах и амбарах голландцев Пенсильвании вполне дополняют этот список.

Классические мотивы послужили заполнением пробелов в провинциальной архитектуре. До тех пор, пока плотник работал сам, влияние классики ограничивалось мелкими деталями, такими как вентиляционные люки, лепнина, колонны портика и так далее. В сельских округах Новой Англии, от Мэна до Коннектикута, а также в некоторых частях Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании плотник продолжает строить в своей прочной традиционной манере вплоть до того времени, когда лобзик побеждает механически загипнотизированный век; и даже в период использования лобзика в старых регионах пропорции и план оставались близкими к традициям. Классика фактически не вытесняла народный язык до тех пор, пока не исчезли последние остатки гильдии и деревенской общины и не появились экономические условия, соответствующие культуре Возрождения.

В течение этого периода жилой дом постепенно становился более пригодным для жилья: мастерство кораблестроения, о котором свидетельствовала каждая защищенная бухта, было перенесено обратно в дом, а в обшивке стен панелями и общей опрятности и компактности квартир все больше и больше преобладает корабельный порядок. Появляется оштукатуренный потолок и оклеенные обоями стены; прежде всего, внутри и снаружи дома нанесена белая краска.

Это нововведение не только дает больше света, но и, несомненно, указывает на то, что дымоходы стали более удовлетворительными. Краска, без сомнения, была введена для того, чтобы не дать палящему летнему солнцу обуглить открытые вагонки; а белая краска использовалась, несмотря на расход свинцовых белил, по той причине, что она соответствовала целомудренному эффекту, который в сознании XVIII века был неотделим от классического прецедента.

Действительно, белизна нашей колониальной архитектуры - неотъемлемая черта; она поразила Диккенса во время его первого визита в Америку и заставила его подумать, что все дома были построены только вчера. Эстетическая причина восхищения этими белыми фермерскими домами в колониальном стиле проста: белое и только белое полностью отражает окружающий свет; белое и только белое создает чистую голубую или лавандовую тень на фоне солнечного света. На рассвете белый дом бледно-розовый и бирюзовый; в полдень он ярко-желтый и лавандово-голубой; на зрелом закате он оранжевый и фиолетовый; короче говоря, за исключением серого дня, он какой угодно, только не белый. Эти старые белые дома, если и кажутся немного неожиданными и резкими на фоне пейзажа, являются, по крайней мере, частью неба: они простираются на небольшом возвышении над большой дорогой, как чайка с расправленными крыльями или облако над верхушками деревьев. Если бы требовалось что-то, чтобы сделать заметным ухудшение американской жизни, которое принес с собой девятнадцатый век, возможно, было бы достаточно привычки красить дерево и кирпич в серый цвет.

IV

Если архитектура начала восемнадцатого века в Америке немного чопорна и угловата, если она никогда не возвышается над прочным провинциализмом, то она не лишена своего рода интереса; и Фаней-холл, например, не самое худшее из зданий Бостона, хотя его затмевают

огромные утилитарные громады, которые выстилают улицы вокруг него. Изучая классические формы с одного взгляда, строители восемнадцатого века в Америке получили то же преимущество, что и Рен в Англии. Церкви “Ренессанса” Рена с их коробчатыми нефами и чередованием накладных ордеров на шпили, насколько мне известно, не имели аналогов в Италии и, конечно, не имели сходства ни с чем, что было построено в классические времена: они были плодом игривой и оригинальной фантазии, такой как “русалка”. Простое знание, простая имитация никогда бы не привели к созданию архитектуры эпохи Возрождения; само несовершенство знаний и ученичества сделало ее соответствующей своему времени оболочкой. Попав в Америку в виде справочников и гравюр, целомудренно выполненных, античным образцам вплоть до революции следовали ровно настолько, насколько это было удобно. Вместо того чтобы обуздывать изобретательство, они поставили перед ним более конкретную проблему для работы.

Это была счастливая случайность, которая заставила плотников и краснодеревщиков Америки увидеть свой Китай, свой Париж, свой Рим на расстоянии, смутно. Чего те, кто восхищается стилем восемнадцатого века, возможно, не понимают, так это того, что несчастный случай невозможно восстановить. Как бы тщательно мы ни кроили жилет, подворотничок, бриджи до колен костюма восемнадцатого века, теперь это всего лишь маскарадный костюм: его “момент” в истории миновал. Тот же принцип справедлив для георгианской или колониальной архитектуры даже в большей степени, чем для архитектуры семнадцатого века; ибо можно, действительно, представить себе сбой в транспортной системе или кредитной системе, который вынудил бы строителя какое-то время полагаться на продукцию своего собственного региона; тогда как, пока наша цивилизация остается нетронутой, существуют сотни справочников, измеренных рисунков и фотографий, которые делают невозможным наивное восстановление древности.

Как только мы по-настоящему оценим влияние, создавшее раннюю колониальную архитектуру, мы увидим, что оно невосполнимо: то, что мы называем возрождением, на самом деле является вторым захоронением. Вся королевская конница и вся королевская рать энергично трудились в течение последних пятидесяти лет, чтобы вернуть простую красоту и изящество колониального жилища, и охота коллекционеров за изделиями краснодеревщиков Салема, Ньюберипорта и Филадельфии была долгой и веселой; но единственным благотворным результатом этого движения стало сохранение горстки древностей, которые в противном случае были бы нечестиво снесены. То, что мы построили в колониальном стиле, по-своему очень хорошо: к сожалению, это имеет такое же отношение к работам конца семнадцатого - начала восемнадцатого веков, какое Вулворт-билдинг имеет к соборам средневековья, или патриотизм Лиги национальной безопасности - к принципам Франклина и Джефферсона. Фотографическая точность, аккуратно подправленная — это его главное достоинство, и, очевидно, оно имеет очень мало общего с живой архитектурой. Подобно разрушенной часовне в “Пиратах Пензанса”, наши современные дома в колониальном стиле часто пристроены к родовым поместьям, которые были основаны год назад; и если их жильцы — “потомки по покупке”, что мы скажем об их архитекторах?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ КЛАССИЧЕСКИЙ МИФ

Я

Трансформация европейского общества и его материальной оболочки, произошедшая в период, который мы называем Возрождением, связана с распадом городской экономики и ее заменой меркантильной экономикой, ориентированной на пользу государства. Наряду с этим происходит разрушение деревенской общины и преобладание в социальных делах землевладельческой олигархии, которая сбросила с себя феодальные обязанности, сохранив при этом большую часть феодальных привилегий, и торгового класса, подкрепленного богатствами, полученными в результате войн, пиратства и активной торговли.

Америка воспроизвела в миниатюре изменения, происходившие в Европе. Из-за своей изоляции и отсутствия устоявшегося социального порядка она продемонстрировала эти изменения без размытости и путаницы, которые сопровождали их за границей.

Иногда немного трудно сказать, были ли классические способы строительства результатом этих изменений в обществе или, среди прочего, стимулом к ним; соответствовали ли классические рамки потребностям времени, или же деятельность людей расширилась, чтобы занять идола, захватившего их воображение. Во всяком случае, представление о том, что классический вкус в архитектуре развивался в основном за счет технических интересов в дизайне, несостоятельно; ибо строго классическая оболочка возникла только в регионах, где социальные условия заложили основу для классического мифа.

Первое проявление величественного стиля в американском ренессансе произошло в поместьях Вирджинии и Мэриленда. Первоначально он возник в результате имитации загородных домов Англии, а затем, после войны за независимость, привел к прямой адаптации римской виллы и греческого храма. Не нужно углубляться, чтобы провести очевидную параллель между земельной монополией и рабством, царившими в американских поместьях, и условиями, позволившими самой римской вилле обрести величественные пропорции; не нужно также слишком долго останавливаться на естественном подчинении при этом режиме плотника-строителя джентльмену-архитектору. "В городских дворцах и церквях, - как справедливо замечает мистер Фiske Кимбалл, - существовало сильное противоречие между современными условиями и древними формами, так что только в сельской местности идеи Палладио о домашней архитектуре могли найти ясное и успешное выражение. Эти памятники, с тех пор столь забытые, служили в книге Палладио явным отражением "Старинных" проектов загородных домов..."

После своей смерти Роберт Картер, который был ректором колледжа, спикером парламента, президентом Совета, исполняющим обязанности губернатора Вирджинии и владельцем Северного перешейка, был описан в журнале *Gentleman's Magazine* за 1732 год как владелец поместья в 300 000 акров земли, около 1000 рабов и десяти тысяч фунтов стерлингов. Плиний Младший вполне мог бы гордиться таким поместьем. На такой солидной основе было возможно построить особняк в стиле палладио; и повсюду, где средства оправдывали цель, строились особняки в стиле палладио.

По—настоящему поразительным в архитектуре манориальной Америки с ее большим достоинством и порой поражающей красотой деталей или оригинальностью дизайна — как в лестнице в Берри Хилл, которая создает расширяющийся узор, подобный крыльям бабочки, - поразительным является тот факт, что работа не является результатом специального образования; скорее, это результат теплого, любящего и, прежде всего, разумного общения с прошлым, с тех времен, когда Хорсайд-холл еще не стал таким же бесцельным и пустым, как Дом разбитых сердец. Мистер Артур Т. Болтон, биограф братьев Адам, выставил письма Роберта Адама, завсегдатаи в Англии, которые отмечают свой жадный и точный интерес к классическим формам; и, без сомнения, немного покопавшись, можно обнаружить аналогичные примеры в Америке.

Эти образованные джентльмены восемнадцатого века, современники “Юния” и Гиббона, читавшие Горация, Ливия и Плутарха, одной ногой стояли в своем веке, а другой - в могиле Рима. В Америке Томас Джефферсон стал лучшим примером всей этой культуры и придал ей определенный отпечаток: он почти в равной степени сочетал в себе государственного деятеля, студента и художника. Джефферсон не просто спроектировал свой собственный Монтичелло; он построил ряд других домов для окрестной знати — Шедуэлл, Эджхилл, Фаррингтон, — не говоря уже о Капитолии штата Вирджиния, церкви и университете в Шарлотсвилле. Именно Джефферсон первым в Америке дал строгую интерпретацию классицизму; ибо он не испытывал ничего, кроме презрения к свободному грузинскому наречию, которое прокладывало себе дорогу среди тех, кто считал классическое прошлое не более чем полезным украшением.

Контраст между классикой и народным языком, между архитектурой плантации и архитектурой деревни, между работой ремесленника и работой джентльмена и профессионального архитектора стал еще более заметным после войны за независимость. В результате этой перекристаллизации американского общества условия классической культуры и классической цивилизации на короткое время слились воедино в деятельности общества, даже в городе. Можно грубо выразить трансформацию, сказав, что плотник-строитель довольствовался классической отделкой; архитекторы ранней республики работали на классическом фундаменте. Я полагаю, что именно Революция превратила классический вкус в миф, который обладал силой двигать людьми и формировать их поступки.

Купец, проводший свои часы в конторе и на набережной, не может при самых возвышенных усилиях превратить себя в классического героя. Иначе обстоит дело с людьми, которые проводили долгие ночи и дни, препираясь в Государственном здании, с людьми, которые проехали верхом всю кампанию, с людьми, которые строили заговоры, как Катилина, и доносили, как Цицерон, с людьми, чьи повседневные действия регулируются тонкой решимостью римского полководца или диктатора. Подсознательно такие мужчины хотят, чтобы была сцена, на которой они могли бы выделиться и возвеличить свои поступки. Король Альфред, возможно, и может оставаться королем, хотя и живет в коттедже и заботится о пирожных на сковороде; но большинству из нас нужны небольшие декорации и ритуалы, чтобы подтвердить эти высокие убеждения. Если бы портные не изготовили сюртук, Дэниелу Вебстеру пришлось бы его изобрести. Торговец хочет своих маленьких удобств; самое большее, он хочет, чтобы архитектор выставил свои достижения напоказ; но герою, обнажившему меч или обратившемуся к собранию, нужно пространство для жестов. Его гостиная должна быть достаточно большой для публичного собрания, а столовая - для банкета. Из этого следует, что в то время как в соответствии с дореволюционными конвенциями даже гражданские здания,

такие как Индепенденс-холл в Филадельфии, строились в домашнем масштабе, ранняя республиканская архитектура отмечена практикой строительства своих домашних жилищ в общественном масштабе. Все прекрасные дома ранней республики имеют официальный вид; почти любой дом может быть Белым домом.

Даже когда Диккенс впервые посетил Америку, классический миф и классический герой не исчезли полностью: мы с болью вспоминаем о “матери современных Гракхов” и видим, как герой-республиканец был опошлен и превращен в джексоновскую карикатуру вроде генерала Сайруса Чока. В течение целого поколения классический миф держал людей в своем рабстве; идея возвращения к языческому государству, причудливо видоизмененному деизмом, была оружием радикальных сил как в Америке, так и во Франции. Сам Жан-Жак проповедовал добродетели Спарты и Рима в “Социальном контрасте”, а также естественное состояние, которое он восхвалял в “Эмиле”; и, в целом, “радикализм” ассоциировался с поклонением закону и разуму, в противоположность капризу, иррациональности, грубому традиционализму того, что дети того времени тогда называли “готическим суеверием”. Почти при его жизни Вашингтон стал Божественным цезарем, и если ему не был немедленно воздвигнут памятник, то в его честь был назван город, как Александрия была названа в честь Александра. Разве сами ветераны войны не стали Обществом Цинциннати; разве первые пионеры марша на запад не посыпали тропу могавков такими названиями, как Утика, Итака и Сиракузы; и разве несколько бывших солдат не вернулись к плугу своего соседа-консерватора? Как Рим и Греция воплощали политические интересы той эпохи, так и классическая архитектура обеспечивала соответствующую оболочку. Даже те, кого жизненно не затрагивали доминирующие интересы того периода, не были невосприимчивы к моде, как только она была установлена.

II

В Новой Англии, что вполне естественно, влияние купечества преобладало в архитектуре, возможно, дольше, чем в других местах. Сэмюэл Макинтайр, резчик фигурок для кораблей и лепнины для кают, создал интерьер в стиле Роберта Адама, что позволило салемскому купцу жить как лорду на Беркли-сквер; а Булфинч, сын купца, начал с ремонта отцовского дома, отправился в большое турне по Европе и вернулся к прибыльной практике, которая включала в себя строительство первого памятника на Банкер-Хилл и открытие первого театра в Бостоне. Под усердными и образованными руками Макинтайра низко расположенный традиционный фермерский дом был преобразован в громоздкий квадратный дом с шатровой крышей, классическими пилястрами, часто непропорциональным куполом, “походкой капитана” или “вдовьей походкой”. Торговец с его стремлением к величию возвышается над фермером с его домашним интересом к ветру и погоде; и поэтому Макинтайр, последняя крупная фигура в вымирающем ряду ремесленников-художников, вынужден богатством орнамента восполнять красоту, которой достигали более ранние провинциальные дома. благодаря адаптации к участку снаружи и тонкости пропорций внутри. Стандарт демонстративного расточительства, как назвал бы это мистер Торстейн Веблен, распространился от поместья к городскому особняку.

По всей остальной стране чистый классический миф сформировал образ американской архитектуры, и здания, которые не были основаны на этом мифе, пытались своего рода имитировать его, как особняк сквайра Джонса, построенный для Мармадьюка Темпла в фильме Купера “Пионеры”. Например, в Нью-Джерси и Нью-Йорке есть церкви, построенные еще в 1850

году, которые на расстоянии имеют очертания и пропорции классических зданий, либо в более раннем стиле Рена, либо в более строгой и высокопарной греческой манере, излюбленной более поздним поколением. Только при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что орнамент превратился в безграмотное воспоминание; что окна представляют собой голые проемы; что орнаменты утратили свои пропорции и что, в отличие от бродячего механика, который “с помощью нескольких грязных пластин английской архитектуры” помогал сквайру Джонсу, строитель больше не мог притворяться, что хорошо разбирается “в фризах, антаблементах и особенно в композитном ордере”. Увы книжной архитектуре, когда пропадает вкус к чтению!

III

Доминирующие проекты раннего республиканского периода прямо или косвенно заимствованы из таких книг, как "Афинские древности" Стюарта, и из таких хорошо известных образцов храмовой архитектуры южной Европы, как Дом Карре в Ниме. В некотором смысле, была определенная целесообразность в адаптации греческих методов строительства к условиям Америки. Первоначально греческий храм, вероятно, был деревянным зданием. Его колоннами были деревья, карнизы обнажали балки; и тот факт, что в Америке снова можно было строить из дерева, возможно, послужил дополнительным стимулом для возведения этих колоссальных зданий. Тот факт, что греческая мода в Америке развивалась задолго до того, как первые ее образцы появились в Эдинбурге, Лондоне или Париже, показывает, возможно, что время и место благоприятствовали ее внедрению по эту сторону Атлантики, поскольку доступность определенных материалов часто, без сомнения, направляет воображение к определенным формам.

Однако в целом прецедент с греческим храмом был неудачным. Во-первых, поскольку в греческой *целле* не было источника света, кроме дверного проема, пришлось внести изменения в высоту и разделить интерьер; и только на Юге обширные затененные пространства, образованные верандами и балконами второго этажа, оказались удачной адаптацией к климату. Опять же: греческая архитектура была архитектурой экстерьеров, предназначенной для людей, которые большую часть года проводили на свежем воздухе. Не имея храмовых ритуалов, сравнимых со службами церкви или кафедрального собора, греки уделяли большое внимание внешнему виду, и, как хорошо говорит большой поклонник греков сэр Реджинальд Бломфилд, “возможно, снаружи их здания были более успешными, чем внутри”. Потерпеть неудачу с интерьером в северном климате - значит потерпеть неудачу с предметами первой необходимости жилья; а эти огромные комнаты, несмотря на все их убранство, слишком часто оставались унылыми.

Даже с эстетической точки зрения греческий стиль строительства не имел полного успеха. При всей строгости классических порядков, при всех их приятных пропорциях приглушенно-белые экстерьеры напоминали подлинный греческий храм так, как фотография сепией изобразила бы восход солнца — теплые тона, краски, танцующая процессия скульптур отсутствовали; они вызывали в памяти утонченную и разбавленную водой Грецию. В самом деле, я не сомневаюсь, что последователи Века Разума и уайт Перукес пришли бы в ужас от “варварства” первоначальных греческих храмов, как, несомненно, пришли бы в ужас и от убогости жилищ, в которых, должно быть, жили Перикл или Фукидид. Как только дом-храм перестал быть сценой,

на которой мог разыгрываться миф о классицизме, он перестал быть и домом. Ибо кто желает жить в храме? Это духовное упражнение, которого мы не требуем даже от священника. Неудивительно, что дольше всего храм просуществовал на юге, где вплоть до Гражданской войны банды рабов поддерживали достоинство хозяев, а большое домашнее хозяйство уменьшало холодное чувство одиночества.

Именно в общественной архитектуре ранняя республика преуспела лучше всего, и именно здесь ее влияние сохранялось дольше всего, поскольку вплоть до 1840 года все еще строились хорошо спроектированные здания в классическом стиле, такие как здание Казначейства в Нью-Йорке. Работы Маккомба в Нью-Йорке, Ходли в Коннектикуте, Латруба в Пенсильвании и Мэриленде, не говоря уже о нескольких ведущих архитекторах, представляют собой высшую оценку профессионального дизайна в Америке; и тот факт, что, несмотря на множество рук, трудившихся над этим, Капитолий в Вашингтоне по-прежнему представляет собой довольно целостное сооружение, свидетельствует о силе их традиций. Однако, несмотря на все его незначительные достоинства, мы не должны повторять ошибку современных сторонников возрождения, таких как мистер Фiske Кимбалл, которые призывают принять классическую традицию в Америке как основу общего современного стиля. Форма и функция в классическом стиле слишком далеко разведены, чтобы допустить развитие архитектуры, которая будет строиться на четвереньках в жилых домах и общественных зданиях, на фабриках и амбарах; более того, в современном мире слишком много новых сооружений, которые строители Рима или эпохи Возрождения даже смутно не предвидели. В средневековом строительстве ратуша отличается от собора: возможно, используя те же элементы, она, тем не менее, создает совершенно иной эффект. С другой стороны, в архитектуре ранней республики здание казначейства могло быть церковью, а церковь могла быть особняком, при любой внешней дифференциации, которую можно наблюдать — фактически, единственное церковное чувство, присущее церквям того времени, — это холодный деизм или столь же холодная протестантская вера, которая полностью утратила воспоминания и ассоциации прошедших веков. Такого рода архитектура обеспечивает порядок и достоинство не за счет создания различий, а за счет их устранения. Ее стандарты не присущи зданию, они вынесены за его пределы. Когда назначение конструкции соответствует стилю, результат может вызывать восхищение во всех отношениях. Когда это не соответствует действительности, результат получается утомительным и банальным; и, по правде говоря, большая часть архитектуры ранней республики утомительна и банальна.

IV

Следует отметить еще один эффект классического стиля: внедрение формального городского дизайна французским инженером майором Л'Энфаном при закладке Вашингтона. Взмолванный воспоминаниями о грандиозном замысле Парижа времен Людовика XIV с его расходящимися проспектами, которые прорезали город подобно дорожкам для верховой езды, проложенным через охотничий лес, L'Enfant попытался наложить величественный узор на прямоугольный план, предоставленный уполномоченными из Вашингтона. Разместив основные общественные здания на ключевых позициях, обеспечив надлежащую физическую связь между различными департаментами правительства, спланировав просторные подъездные пути, завершающиеся площадями, треугольниками и круглыми точками, майор Л'Энфан придал большое достоинство новой столице, и даже несмотря на то, что в последующие годы его план часто игнорировался и отвергался, он по-прежнему сохранял монументальную структуру административных зданий Американского штата.

К сожалению, если Вашингтон обладает последовательностью официального плана, то он также обладает и своей абстрактностью: ухитрившись выделить и обслуживать здания правительства, он не осуществлял никакого контроля над внутренним строительством, над бизнесом, над разнообразными экономическими функциями развивающегося города. Структура была бы превосходной, если бы города могли жить только за счет правительства. Придавая слишком большое значение формальному порядку, приверженцы классического вкуса проложили путь ко всему слишком формальному порядку планировки gridiron, и поскольку застройка gridiron подходила для поспешной коммерческой эксплуатации, в то время как режим Вашингтона - нет, именно по этой форме была отлита архитектура девятнадцатого века.

Вскоре после его появления в Нью-Йорке в 1811 году влияние прямоугольных улиц и прямоугольных участков стало очевидным; в то время как гравюры Нью-Йорка до 1825 года демонстрируют постоянное разнообразие высот и планировки домов, те, что появились после этой даты, все больше напоминают стандартные коробки. Длинные однообразные улицы, которые нигде не заканчивались, заполненные рядами однообразных домов — таков был чистый вклад официального плана. Классический вкус не был ответственен за эти чудовищности, но в целом он ничего не сделал, чтобы остановить их, и поскольку бережливые торговцы Нью-Йорка не могли понять план Л'Энфана для Вашингтона, они ухватились за ту его часть, которая была понятна: за его регулярность, за видимость порядка.

С появлением новых сил на американской сцене, с распадом классической культуры под совместным влиянием новаторского предпринимательства, механических изобретений, заморской торговли и почти религиозного культа утилитаризма, все это было действительно неизбежно. То, что случилось с гордой республикой 1789 года по римскому образцу, общеизвестно. Бенджамин Латруб, британский архитектор, внесший столь большой вклад в строительство Капитолия в Вашингтоне, включая новый порядок расположения кукурузных стеблей и табачных листьев, был свидетелем распада эпохи и разрушения ее мира идей; и в его комментарии по этому поводу есть знакомый оттенок:

“Я помню [говорит он в своей автобиографии] то время, когда я был по уши влюблен в Человека в Естественном состоянии.... Социальные соглашения были моим хобби; американская революция — я прошу у нее прощения, ибо она заслуживает лучшей компании — была своего рода мечтой о Золотом веке; а Французская революция была самым Золотым веком. Мне было бы стыдно признаться во всем этом, если бы у меня не было тысячи товарищей по моим калейдоскопическим развлечениям, и эти люди, как правило, обладали пылками, доброжелательными и хорошо информированными умами и прекрасными сердцами. Увы! опыт разрушил иллюзию, калейдоскоп разбит, и вся мишура декораций, которая так восхитительно сверкала, преобразилась и превратилась в лохмотья. Дюжина лет пребывания при республиканском дворе в Вашингтоне чудесным образом повлияли на наступление более зрелых лет”.

План майора Л'Энфана для Вашингтона, как мне кажется, был последним вздохом классического порядка; Виргинский университет Джефферсона был, возможно, самым совершенным его завершением, поскольку Джефферсон планировал жизнь учреждения так же, как и оболочку, которая должна была его содержать. Еще до начала девятнадцатого века умы людей перестали свободно перемещаться в рамках классического идолопоклонства; и к 1860 году это настроение было стерто, а большая часть работ была затоплена или уничтожена.

Последний иронический комментарий к достоинству и аскетизму ранних храмов проиллюстрирован в доме в Кеннебанкпорте, штат Мэн; ибо там безмятежный фасад с колоннами сзади разрушен более поздним, и увы! необходимое дополнение: двухэтажное эркерное окно, выступающее достаточно далеко за пределы карниза, чтобы дать немного света обитателям комнат!

Короче говоря, в этой архитектуре была жалкая несовместимость между потребностью и достижением, между претензиями и прозаичностью - жесткое противостояние здравому смыслу, которое народный язык, каким бы игривым он ни был, никогда бы не допустил. Эти храмы были построены мраморным жестом вечности; они соответствовали желанию и моде момента; и сегодня их призраки шествуют перед нами, храбрые, но невероятные.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ДИАСПОРА ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Я

С точки зрения архитектуры, начало девятнадцатого века было периодом распада. Разрыв между чистой полезностью и искусством, который подчеркивал Ренессанс, увеличился с появлением машин. Та часть архитектуры, которой коснулся индустриализм, стала невообразимо грубой: новые фабрики обычно представляли собой упаковочные коробки, в которых не хватало света и вентиляции, а дома фабричных рабочих, когда они не были опустевшими домами торговцев, построенными для обслуживания дюжины семей вместо прежних, были немногим больше крытых загонов, переполненных, как рынок крупного рогатого скота. В то самое время, когда старые формы были подорваны новыми методами механического производства, сентиментальное стремление сохранить эти формы только потому, что они устарели, овладело умами людей; и таким образом, индустриализм и романтизм разделили область архитектуры между собой.

Это не случайно привело к появлению романтизма и индустриализма в одно и то же время. Они были скорее двумя лицами новой цивилизации, одно из которых смотрело в прошлое, а другое - в будущее; одно прославляло новое, другое цеплялось за старое; индустриализм был нацелен на увеличение физических средств существования, романтизм болезненно питался пустым очарованием прошлого. Эпоха не просто представляла эти два аспекта; она стремилась наслаждаться каждым из них. Там, где пустил корни индустриализм, традициями архитектуры пренебрегали; с другой стороны, там, где романтизм процветал в особняках, общественных зданиях и церквях, архитектура стала капризной и абсурдной и вернулась к прошлому, которого никогда не существовало. Против грубого бессердечия, которое Баундери проявлял по отношению к красоте и удобствам, было только мягкое благочестие Пекснифа.

Умирающая мечта и мечта, которая рождается, не стоят последовательно, а сливаются, как образы в растворяющемся представлении; и в те самые годы, когда архитектура эпохи Возрождения как в Европе, так и в Америке достигла новых высот формального дизайна, в Стаффордшире и Йоркшире были построены первые фабрики, герцог Бриджуотер построил

свой знаменитый канал, а Гораций Уолпол спроектировал свой “готический” особняк на Строберри Хилл. Совпадение индустриализма и романтизма столь же ярко проявляется в Америке, как и в Англии; и не лишено исторической справедливости то, что архитектор, который в 1807 году спроектировал часовню семинарии Святой Марии в Балтиморе в готическом стиле, успешно внедрил систему откачки пара на водопроводных сооружениях Филадельфии. В то время как промышленные здания того периода представляли собой не что иное, как отступление от нынешнего народного языка из-за спешки и нехватки ресурсов, романтическая архитектура оказала положительное влияние; и, возможно, нашей цели лучше всего послужит изучение романтического наследия в его первозданном виде, а не в работах учеников вроде Латроуба, чья американская практика датируется примерно двумя поколениями позже.

У автора "Замка Отранто" был извращенный и своенравный интерес к прошлому; и дух, который он проявлял как в своем романе, так и в своем загородном доме, был типичным для романтического мировоззрения повсюду. То, что привлекло Уолпола в готическом стиле, было немногим больше, чем фосфоресцирование упадка: он вызвал призраков средневековья, но не гильдии; и вместо того, чтобы восхищаться добротностью средневековой каменной кладки, те, кто следовал непосредственно по его пути, были скорее поражены зрелищем ее ветхости, так что создание подлинных руин стало одним из главных усилий садовника XVIII века.

От строительства руин до строительства особняка, который немногим лучше руин, не так уж и много шагов. В то время как Уолпол защищал Строберри Хилл, говоря, что он не стремился сделать свой дом настолько готическим, чтобы исключить удобство, снова и снова случалось, что живописность была врагом простой честности и необходимости; и точно так же, как сам Уолпол в своей столовой использовал обои, имитирующие штукатурку, так и другие владельцы и строители использовали штукатурку, гобелены, обои и ковер, чтобы скрыть дефекты конструкции. Башни, на которые никто никогда не взбирался, башенки, в которые никто не мог войти, и зубчатые стены, на защиту которых никто не поднимался, заняли место классических ордеров. Подъемный мост со рвом, украшавший виллу мистера Уэммика в "Больших надеждах", был не дикой выдумкой Диккенса, а реликвией Уолпола и его преемников.

Применение античного “стиля” в качестве маскировки для скупого или бездумного изготовления было романтическим вкладом в архитектуру; и это сослужило очень хорошую службу в период спекулятивного строительства и продаж, сопровождавшего рост новых промышленных городов. Даже там, где стиль не скрывал коммерческого лицемерия, он прикрывал бедность воображения при обращении с элементами здания. Готические штрихи в дверях и внешней части окон, а также нагромождение безделушек и диковинок внутри смягчали грубость и неприметность этой архитектуры, или, скорее, отвлекали от них внимание. Любопытство было доминирующим настроением того времени, стяжательство - его главным импульсом, а комфорт - его целью. Несомненно, из этой ситуации вышло много хорошего, но архитектура не входила в их число.

II

Современный индустриализм начал пускать корни в Америке после войны за независимость, и его эффект был двояким: он положил начало новым деревням, которые были сосредоточены вокруг водопада или железного рудника и почти не имели других забот, кроме промышленности; в то же время, прорезав каналы, ведущие вглубь страны, он отвлек жизнь от небольших провинциальных портов и сконцентрировал торговлю и население в крупных

городах, таких как Бостон, Филадельфия и Нью-Йорк. В Новой Англии, как и в английском Котсуолдсе от Уитни до Чалфорда, механический режим был очеловечен присутствием более древней цивилизации, и первое поколение фабричных рабочих были фермерскими парнями и девицами, которые не утратили своей независимости и не подвергали ее опасности; но там, где фабрика зависела от пауперов или иммигрантов, как это было в больших городах и в некоторых неустроенных частях страны, общество скатилось к варварству, которое затронуло как мастеров, так и рабочих. Разница в литературных вкусах между "Коринфом" и "Вефилем", названными более ранним поколением, и "Механиксвиллами", последовавшими за ними, была не просто существенной.

Главными лозунгами того времени были прогресс и экспансия. Первый принадлежал пионеру в промышленности, который открыл новые области для механических изобретений и прикладной науки; второй - земельному первопроходцу; и между этими двумя изобретательными типами старые способы, хороши они или плохи, были отброшены, и были приняты новые способы, хороши они или плохи. Как земельные первопроходцы, так и промышленные первопроходцы были, по сути, подразделениями одной профессии - добычи полезных ископаемых; и, следуя подсказке, открытой господами Дж. Геддес и Брэнфорд, можно сказать вместе с профессором Адсхедом, что девятнадцатый век был свидетелем "великой атаки шахтера на крестьянина".

Своим великим развитием и прогрессом механическая промышленность обязана труду дровосека и шахтера: первый тип рабочих берет согнутое деревце и создает токарный станок, или "боджер", который все еще можно найти в отдаленных частях Чилтерн-Хиллз в Англии, в то время как из самой шахты выходит не только паровая машина, впервые использовавшаяся для откачки воды, но также и железная дорога. Постоянный мусор, среди которого живет шахтер, составляет разительный контраст с упорядоченной культурой, тщательной прополкой и подстриганием полей и садов: почти любое жилье является шагом вперед по сравнению с убожеством рудника; и не случайно, что эпоха, посвященная горному делу и всем сопутствующим производствам, была во всем западном мире самой грязной из всех, когда-либо осквернявших землю. Задыхаясь от собственных обломков или взволнованный истощением запасов полезных ископаемых, сообщество шахтеров приходит в упадок — и он уходит.

Название *pioneer* имеет романтический оттенок; но в Америке земельный пионер добывал леса и почву, а промышленный пионер почти так же безжалостно добывал человеческие ресурсы, и когда уровень заработной платы стал желтоватым и поредевшим, они оба двинулись дальше. Упоминание Лонгфелло о "бивуаке жизни" бессознательно указывает на преобладающий настрой; ибо даже те, кто остался в старых американских центрах, были затронуты недомоганием и неустроенностью первопроходцев; и они вели себя так, как будто в любой момент их могли призвать к знамени и отправить на запад.

Рядом с яркими обещаниями Механического прогресса и Явного Предначертания Судьбы реальности упорядоченного общества превратились в бледный туман. Во многих небольших общинах были созданы Механические общества для распространения утилитарной веры: индустриализм с его аскетическим ритуалом беспощадного труда, его практикой бережливости, его отречением от искусств собрал в себе религиозное рвение протестантизма. Возведение фабрик, рытье каналов, расположение печей, прокладка дорог, разработка изобретений не просто истощали значительную часть имеющегося капитала; более того, они

требовали энергии и воображения наиболее энергичных людей. Дважды поколениями раньше Томас Джефферсон мог заложить и развивать поместье Монтичелло; теперь, обладая многими способностями Джефферсона, По мог только мечтать о фантастических владениях Арнхейм. Общество, окружавшее По, нуждалось в архитектурном воображении не больше, чем пуритане в декоративных образах; дым из фабричной трубы был благовонием, шрамы на пейзаже были подобны рваным ранам святого, а простое увеличение убогих сараев и казарм было признаком прогресса и, следовательно, залогом совершенства.

Собиралось ли когда-нибудь раньше так много элементов дезинтеграции вместе в одно время и в одном месте? Отсутствие традиций и примера создало достаточно трудностей в Бирмингеме, Манчестере, Лионе и Эссене; но в Америке это усугубилось неугомонным маршем тех пионеров, которые, по словам современного экономиста, “оставили позади законы, образование и искусство, все существенные элементы цивилизации”. Какое место могла бы занять архитектура в этих сообществах скваттеров? Это могло бы уменьшить жизненные невзгоды; это могло бы смазать каналы получения прибыли; и это могло бы снести или “улучшить” столько старого, что оно не могло понять, как было улучшено здание суда Булфинча в Ньюберипорте, и как много прекрасных городских резиденций было сметено потоком транспорта.

Это были дни, когда бревенчатая хижина процветала; но она оставалась на месте недостаточно долго, чтобы стать хорошо обработанным и декоративным произведением деревенской архитектуры, каким в России стала лучшая крестьянская хижина, построенная из тех же материалов. Подлинное архитектурное развитие могло бы привести от грубой бревенчатой хижины к законченной, от голой хижины к обогащенной и украшенной, и таким образом, возможно, в течение столетия или около того, к прекрасной загородной архитектуре и великому отечественному искусству резьбы по дереву, сравнимому с творчеством современных русских скульпторов. Однако в Америке первопроходец смело перепрыгнул из бревенчатой хижины в Белый дом или его благородный эквивалент с завитушками; и искусство, присущее хорошему строительству, так и не получило возможности развиваться. За всем, что предпринимал пионер, стояла враждебность шахтера, и вся архитектура пионера была фальшивой и скудной.

III

Первым вкладом в комфорт первопроходцев стала оригинальная печь Франклина (1745 г.). После этого появился ряд материальных приспособлений. Центральное отопление придало американскому дому римский стандарт комфорта, астральная масляная лампа покорила Эдгара По; а кухонные плиты, газовое освещение, постоянные ванны и ватерклозеты вошли в лучший вид жилья в восточных городах до середины девятнадцатого века. При развитии самого города план сетки был добавлен в список трудосберегающих устройств. Хотя план “решетка” имел такое же отношение к природным условиям и фундаментальным социальным потребностям, как бумажная конституция к живым обычаям народа, простота плана “решетка” покорила сердце первопроходца. Его прямоугольные блоки образовывали участки земли, которые он мог продать без промедления и играть на них так же легко, как в карты, а передаточные акты могли быть составлены наспех по одной и той же формуле для каждого участка; более того, наименее компетентный землемер, не задумываясь и не зная, мог спрогнозировать рост улиц и проспектов Нового Эдема на бесконечное будущее. В градостроительстве девятнадцатого века инженер был добровольным слугой земельного монополиста; и он создал рамки для

архитектора - рамки, в которых мы все еще боремся сегодня, — где ценность участка имела значение для всего, а ценность вида даже не была запоздалой мыслью.

При планировке улиц и разделе земельного участка не уделялось внимания конечному использованию земли; но были предприняты самые тщательные усилия, чтобы гарантировать ее непосредственное использование, а именно спекуляцию землей. Для дальнейшего использования холмы были выровнены, болота и пруды засыпаны, а улицы проложены до того, как эти расходы могли быть понесены людьми, которые, в конце концов, должны были получить от них прибыль или пострадать от них. Неудивительно, что новые города, такие как Цинциннати, Сент-Луис и Чикаго, к середине века уступили азартным игрокам на рынке недвижимости, чтобы оплатить стоимость благоустройства улиц, щедрые участки земли, которые первоначальные планировщики отводили под общественные центры. Спроектированный людьми, которые все еще сохраняли часть гражданского видения ранней республики, коммерческий город быстро перешел в руки людей, у которых гражданских угрызений совести было не больше, чем у владельца лотереи.

У схемы с решеткой был еще один недостаток, который первопроходец считал достоинством, и его до сих пор разделяют те, кто не воспользовался опытом прошедшего столетия. Полный план города с его проспектами, окружавшими болота и дикие места, с прогнозом будущего роста по меньшей мере на сто лет, поражал воображение. Едва ли найдется какой-нибудь американский городок настолько захудалый, чтобы не пытаться расти быстрее, чем его сосед, возможно, быстрее, чем Нью-Йорк. Только за счет накопления все большего и большего числа людей мог быть реализован его колоссальный план города и завышенная стоимость земли. Если старые города побережья были ограничены в своих попытках стать мегаполисами тем фактом, что их центральные районы изначально были отведены под деревни, то деревни среднего Запада столкнулись с прямо противоположным препятствием; они часто приобретали черты мегаполиса еще до того, как выходили из физического состояния деревни. План *gridiron* был своего рода подручным средством, в которое должен был вырасти и наполниться ювенальный город. То, что у города была какая-то иная цель, кроме привлечения торговли, увеличения стоимости земли и экономического роста, - это то, что, если и приходило в голову случайному Уитмену, никогда не оказывало никакого влияния на умы большинства наших соотечественников. Для них место, где стоит великий город, - *это* место протяженных причалов, рынков и кораблей, доставляющих товары со всех концов земли; это, и ничего больше.

IV

Когда бизнес процветал и исчезал, когда люди приходили и уходили, когда земля постоянно переходила из рук в руки, что поощряло стабильные достижения архитектуры? Напрасно архитектор кривляется и гримасничает, чтобы скрыть свое отчаяние; его дело - притворяться. Если он и не Пексниф в душе, то ему, во всяком случае, придется прислуживать мистеру Венирингу. В путеводителе 1826 года упоминается масонский зал “несколько в готическом стиле”; и мы можем охарактеризовать все здания того периода, сказав, что они были “чем—то” похожи на архитектуру - немного больше, чем декорации, немного меньше, чем твердые тела.

Какое-то время казалось, что возрождение готики может придать зданию девятнадцатого века преобладающий оттенок; ибо, если сначала этот способ был принят потому, что он был живописным и историческим, позже он был подкреплён убеждением, что это естественный и

научный способ строительства, что он символизирует рост и функциональность, в отличие от произвольного характера классической работы. Символы органического мира были широко распространены в мышлении того периода, поскольку в сфере мышления биология вытесняла физику, а готическая архитектура, как предполагалось, находилась на линии роста, в то время как архитектура Возрождения пересекала и еретически отрицала принцип органического развития. К сожалению, процесс распада зашел так далеко, что ни одно направление мысли не имело силы доминировать; и готический стиль оказался лишь первым из ряда противоречивых влияний, проистекающих из промышленности, истории, археологии.

Действительно, главным признаком, свидетельствующим о распаде архитектуры в дни становления пионеров, является эклектика; но есть и еще один — попытка оправдать промышленный процесс использованием исключительно материалов, которые он создал в изобилии. Обсуждая планы Смитсоновского института, Роберт Дейл Оуэн заметил, что “в последние годы конкурирующий материал из шахты, похоже, вторгается в эти [камни, глину, дерево], и следующее поколение может увидеть, как на нашем континенте возникают деревни или, возможно, города из железа”.

Что поколение Оуэна действительно увидело, помимо фасадов из листового железа и цинковых карнизов, так это Хрустальный дворец, построенный в Нью-Йорке в 1853 году в подражание лондонскому выставочному залу 1850 года. Раскин с саркастической справедливостью описал первоначальный Хрустальный дворец как увеличенную оранжерею; и это практически все, что можно сказать о любом здании. В качестве упражнений в технике они, несомненно, преподавали много уроков металлургам и инженерам; но они почти ничего не внесли в архитектуру. Более позднее поколение построило по этому образцу навесы для поездов своих дымчатых железных дорог; но прецедент сохранился и сегодня, главным образом, в киосках метро и на витринах, и даже здесь он не создал для себя новых форм — если только чистое пространство зеркального окна, обрамленного металлическими решетками, можно назвать новой формой.

С другой стороны, рост эклектики к середине века придал американскому городу вид музея, а американской сельской местности — вид книжки с картинками. “Саннисайд” Вашингтона Ирвинга и первое здание Смитсоновского института были выдержаны в преобладающем готическом стиле; но Эдгар По описал особняк не совсем вымышленного Арнхейма как полуготический, полусарацинский; а тюрьма олд Томбс в Нью-Йорке получила свое название из-за египетского характера ее фасада. Кто может сомневаться в том, что проект *византийского* коттеджа, показанный в “Американском строителе коттеджей” (1854), был где-то реализован?

Уязвленный критикой в адрес того, что Америка — это не Европа, пионер решил привести Европу к своим дверям. Однако относительно немногие американские архитекторы в тот период бывали за границей, и еще меньше бывало там с какой-либо целью; даже люди культуры и воображения, такие как Хоторн и Эмерсон, не чувствовали себя как дома в физической среде Европы, какими бы близкими они ни были к ее сознанию. Здания, возведенные под впечатлением от европейских туров, только подчеркивали варварство американской сцены и бедность воображения архитектора.

Значительная часть нашей архитектуры сегодня все еще демонстрирует неловкость парвеню и поочередно является французской, итальянской или более или менее устаревшей английской; но мы, возможно, не осознаем, в чем разница; поскольку фотография и археологические исследования теперь позволяют создавать здания, обладающие всеми достоинствами

оригинала, кроме оригинальности, тогда как более раннее, неграмотное развитие иностранных образцов, отрепетированное в памяти, привело к конгломератной форме, которая, пожалуй, ни на что так не похожа, как на русалку П. Т. Барнума.

Если Хрустальный дворец олицетворяет крайность промышленного искусства, то Герб полковника Кольта олицетворяет противоположное — неискушенный романтизм. Армсмир был построен недалеко от Хартфорда между 1855 и 1862 годами. Автор статьи в the Art Journal за 1876 год называет этот особняк “характерным типом уникального”. Это была “долгая, грандиозная, впечатляющая, противоречивая, красивая, странная вещь.... Итальянская вилла из камня, массивная, благородная, утонченная, но не воплощающая в себе каких-либо определенных принципов архитектуры, она подобна уму своего создателя, смелая и необычная в своих сочетаниях.... Несомненно, помимо всего прочего, он немного турецкий, с одной стороны у него есть купола, шпили и легкие, пышные украшения, которыми восхищается восточный вкус.... И все же, хотя вилла итальянская и космополитичная, атмосфера в ней английская. Это английский дом в своей основательности, по-домашнему уютных аспектах”.

Увы, это так! невозможно проиллюстрировать на этих страницах этот замечательный образец американской архитектуры; но в лекции о настоящем и будущих перспективах Чикаго (1846) я обнаружил его точный литературный эквивалент, и он подытожит грубость и культурную тоску того периода, возможно, лучше любого откровенного описания:

“Я благодарю вас [извиняется лектор] за терпение, которое вы проявили в этом случае, и обещаю никогда больше не оскорблять подобным образом, пока. Теперь, как замечает Каупер, у меня есть...

‘Рыскал в поисках фруктов,

Далеко бродил и многое собрал...”

“И могу, я думаю, вместе со Скоттом, с уверенностью сказать, что...

К своему обещанию просто

Вичалпайн оправдал оказанное ему доверие.

- А теперь, джентльмены, я предлагаю оставить вас в Карлангтогфорде,

- И ты должен оставаться при своем мече.

“Позвольте мне сказать вам по этому поводу то же, что Кэмпбелл говорит по другому поводу:

‘Маши, Мюнхен! Развешаются все твои знамена!

И атакуйте со всем своим рыцарством.

“И если ты проиграешь в конкурсе, вспомни вместе со стариной Гомером —

Такие почести воздавал Илион своему герою,

И мирно спала тень могучего Гектора”.

Позвольте мне теперь закончить одним из прекрасных стихотворений Скотта:

‘ В атаку, Честер, в атаку! Вперед, Стэнли, вперед!

Это были последние слова Мармион”.

Так выглядела американская архитектура между 1820 годом и Гражданской войной — набор значков, наугад брошенных на здание. Архитектурные формы были объединены простым сочетанием материалов, не удерживаемых на месте ни воображением, ни логикой. Из этого правила есть ряд достойных исключений, поскольку такие архитекторы, как Ренвик, спроектировавший собор Святого Патрика, и Апджон, построивший церковь Святой Троицы, более искренне понимали традиционную задачу; и по любым стандартам эстетической благопристойности старое готическое здание Нью-Йоркского университета на Вашингтон-сквер было гораздо более изящным сооружением, чем громоздкое офисное здание, которое заняло его место. Тем не менее, этот спасительный остаток не меняет характера огромной массы работ, не больше, чем иногда превосходные чугунные балконы, привезенные из Лондона времен Регентства, меняют унылый характер огромной массы домашней застройки. По высоте и внутренней отделке все эти довоенные здания были ничем не примечательны. Архитектурные сувениры, их формы смутно напоминают памятники прошлого, ни в каком смысле не занимая их места.

По правде говоря, на промышленный город опустилась пелена: современные писатели сороковых и пятидесятых годов рассказывают о грязи и дыме, и, без сомнения, фасад из шоколадно-коричневого камня был представлен как мера защитной окраски. В этой мрачной среде люди обратились к природе как к убежищу от грязных и потрепанных творений человека; и по мере того, как ползучие фабрики и железнодорожные поезда удаляли Природу все дальше от их дверей, парк был представлен как более удобное средство бегства. Перенаселенные столицы Европы уже усвоили этот урок; путешествующие американцы, такие как Уильям Каллен Брайант, принесли его домой; и Центральный парк, спроектированный в 1853 году, был первым из больших ландшафтных парков, которые служили для развлечения людей. Задуманный в противовес лишенному девственности ландшафту и запутанному городу, парк сам по себе воссоздал традиции цивилизации — натурализованного человека, а значит, и дома, очеловеченной природы, а значит, обогащенной. И даже сегодня наши парки - это то, чем должны быть наши города, но не являются ими.

К 1860 году безмятежный день американской цивилизации закончился; дух остался в письмах и науке, в работах Паркмена, Мотли, Эмерсона, Мелвилла и Торо, но солнце уже опустилось за горизонт, и то, что казалось обещанием, на самом деле было лишь отблеском. Ко времени начала Гражданской войны архитектура точно отразила социальные преобразования; она была угрюмой, мрачной, неуклюжей, нестабильной. В то время как почти в каждую эпоху архитектура имела независимую ценность для духа, так что мы можем радоваться Шартру или Винчестеру, даже если мы отказались от римской веры, в ранний индустриальный период архитектура низведена до симптома. Романтизм не восстановил прошлое, а индустриализм не сделал будущее более желанным. Архитектура блуждала между двумя мирами, “один мертв, другой бессилён родиться”.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОРАЖЕНИЕ РОМАНТИЗМА

Я

Между 1860 и 1890 годами некоторые из сил, которые были скрыты в индустриализме, были реализованы в американской архитектуре. Там, где первые пионеры жили робко, испытывая нехватку ресурсов, поколение, которое стимулировалось военной промышленностью и спекуляцией, открытием нефти и природного газа, охватом американского континента и кабельной связью с Европой, взбунтовалось из-за своего новообретенного богатства.

“Песня палаша” все еще слабо звучала на тихоокеанских склонах; но первопроходец суши быстро уступал место первопроходцу промышленности; и, возможно, впервые за столетие избыток капитала превысил немедленный спрос на новые заводы и оборудование. Железный век достиг своего пика в серии великих мостов, начиная с моста Идс в Сент-Луисе; романтизм занял последнее место. Возможно, нам стоит в последний раз взглянуть на романтические усилия, чтобы увидеть, насколько невыполнимой и безнадежной была задача, которую они ставили перед собой.

В Англии романтическое движение в архитектуре сделало возвращение к средневековью определенным символом социальных реформ: в сознании Рескина это ассоциировалось с восстановлением средневекового типа государственного устройства, чем-то вроде реформированного поместья, в то время как у Морриса это означало отказ от механизма и возвращение к скрупулезному ремеслу городских гильдий. В Америке романтическому движению не хватало этих социальных и экономических последствий; и хотя не будет несправедливым сказать, что литературное выражение английского романтизма в целом было намного лучше архитектуры, в той же пропорции, в какой венецианские камни были лучше музея Эшмола или Мемориала Альберта, по эту сторону Атлантики верно обратное.

Каким бы невнятным ни был Х. Х. Ричардсон, главный представитель американского романтизма, какое-то время казалось, что он может переломить ход развития механической промышленности и создать для значительной части сцены ощущение стабильности и гармонии, которых ей слишком явно не доставало. Однако по отношению к своему возрасту Ричардсон был в биологическом смысле “видом спорта”; окруженный строителями, которые деградировали строительное ремесло, и инженерами, которые игнорировали его, он был, возможно, последним из великого средневекового рода мастеров-каменщиков.

Ричардсон начал свою карьеру в Америке сразу после Гражданской войны. Едва ли не первый из нового поколения американцев, прошедших обучение в Школе изящных искусств, он не привез в Америку ни одной из тех чудовищных адаптаций французского Ренессанса, которые были созданы почтовыми отделениями Нью-Йорка, Филадельфии и Бостона. Напротив, он попал под влияние Виоле-ле-Дюка и около десяти лет боролся с несочетаемыми формами и материалами в аномальной манере, известной как свободная готика. Конец этому периоду экспериментов наступил в 1872 году, когда он получил заказ на строительство церкви Святой Троицы в Бостоне; и хотя только десять лет спустя он увидел какие—либо романские здания, кроме как на фотографиях, - поскольку он не путешествовал в студенческие годы в Париже, — именно в такой строгой манере он создал свою лучшую работу. Ричардсон был не декоратором, а строителем: возвращаясь к романскому стилю с его круглыми арками и массивными

каменными элементами, он следовал изречению Виоле-ле-Дюка: “только примитивные источники обеспечивают энергией долгую карьеру”. Отойдя от “прикладной готики”, Ричардсон начал строить снизу вверх. Искусство каменной кладки настолько исчезло, что в церкви Святой Троицы Ричардсон иногда вводил распорки и балки, не пытаясь ассимилировать их в композиции; но насколько любой отдельный человек мог усвоить исчезнувшую традицию и жить с ней, Ричардсон так и сделал.

Доказательством гениальности Ричардсона как строителя является разница между принятыми чертежами церкви Святой Троицы и готовым зданием. Его идеи менялись по мере выполнения работ, и почти в каждом случае само здание представляет собой значительное улучшение по сравнению с бумажным дизайном. Более того, в качестве мастера-каменщика Ричардсон подготовил талантливый корпус мастеров; и его влияние было настолько всеобъемлющим, что до сих пор на домах, которых Ричардсон никогда не видел, можно найти штрихи тонкой резьбы по камню, покрытому листьями, которые он привнес. С появлением резьбы и скульптуры появились и другие виды искусства, и своим прекрасным дизайном и строгими стандартами работы Ричардсон поднял положение второстепенных ремесел, в то же время он безоговорочно передал таким людям, как Джон Ла Фарж и Огастес Сент-Годенс, основные элементы декора.

Вероятно, большинство людей, знающих имя Ричардсона, смутно ассоциируют его с церковной деятельностью; но романтизм Ричардсона был подлинной попыткой охватить эпоху, и в его длинном списке общественных работ всего пять церквей. Если здание суда Питтсбурга и церковь Святой Троицы выделяются как крупнейшие из его архитектурных концепций, то здания меньшего размера являются испытанием мастерства и воображения мастера, а публичные библиотеки в Норт-Истоне, Молдене и Куинси, штат Массачусетс, и некоторые из небольших железнодорожных станций в Массачусетсе находятся на столь же высоком уровне. Ричардсон противопоставил свои собственные силы варварству Золотого века; но, в отличие от своих современников в Англии, он не повернулся спиной к достижениям индустриализма. “Вещи, которые я больше всего хочу спроектировать, - сказал он своему биографу, - это элеватор и интерьер большого речного парохода”.

Короче говоря, Ричардсон стремился доминировать над своим возрастом. Он был настолько близок к успеху, что на симпозиуме, посвященном десяти лучшим зданиям Америки, проведенном архитектурным журналом в восьмидесятых годах, Ричардсону поставили пятерку. Это была нелегкая победа, и, по правде говоря, она была лишь частичной. Случай с Капитолием штата в Олбани, который Ричардсон и Эйдлиц взяли в свои руки в 1878 году, после того как в течение десяти лет на его неправильное строительство было потрачено пять миллионов долларов, едва ли можно назвать карикатурой на условия, в которых искусство боролось за существование. Здание, построенное в стиле римского Ренессанса, под порывистым руководством Ричардсона начало приобретать романские пропорции, но только для того, чтобы оскорбленные законодатели вернули его в ренессансное состояние!

Уильяму Моррису Ханту, находившемуся тогда на пике своих полномочий, было поручено написать две большие фрески для зала собраний этого благословенного здания. На неправильное управление конструкцией было потрачено так много времени, что Ханту дали всего два месяца на то, чтобы перенести свой картуш на панели; но он работал героически, и, как говорит один из его биографов, эта работа стала большим триумфом. Великое, возможно, но временное! “Здание попало в руки политической группировки, и плохое строительство

проявилось в протекании массивной крыши и оседании всего сооружения. Не прошло и десяти лет, как большая часть картин Ханта облупилась, а то, что осталось, было замуровано в ходе реконструкции, необходимой для предотвращения полного разорения”. В такой период, как этот, сравнительный успех Ричардсона приобретает героические масштабы.

II

Вряд ли стоит иметь дело с небольшими веяниями эклектики, с увлечением мансардными крышами или введением немецкой готики, а чуть позже и со вкусом к домашнему хозяйству времен королевы Анны; они представляли собой лишь разброс вкусов и крушение суждений, которыми был отмечен Золотой век.

Вплоть до Всемирной выставки в Чикаго у Ричардсона были подражатели, и они не всегда были подлыми. Л. Х. Баффингтон в Миннеаполисе имел в своем активе ряд зданий, которые, возможно, не опозорили бы самого мастера; но, как это часто бывает, отличительным чертам работ Ричардсона было легче подражать, чем его духу и изобретательности; и главными отличительными чертами созданного им стиля являются слишком массивные ряды необработанного камня, круглая арка, приземистые колонны и контрасты в цвете между светлым гранитом и темным песчаником или серпантинном. Мистер Монтомери Шайлер, превосходный архитектурный критик, однажды сказал, и не без основания, что дома Ричардсона можно было оборонять только в военном смысле; но возникает соблазн прочесть в этих тяжеловесных формах отчасти бессознательное желание архитектора бороться с немощью и халтурой своих низших современников, а отчасти стремление его покровителя иметь убежище от беспокойного пролетариата. Новый феодализм укреплялся за частокколами Хоумстеда и других сталелитейных городков Питтсбургского округа. Это был способ строительства, солидный, грозный, временами почти жестокий, который удовлетворял эстетическим потребностям баронов угля и стали почти так же хорошо, как классический подход к героям, пережившим войну за независимость.

Я подчеркнул, что было сильного и прекрасного в творчестве Ричардсона, чтобы показать, насколько оно было свободно от мелких недостатков романтизма; и все же оно не учитывало своего хозяина и, увы, Ричардсона! едва ли оставил след в последующий период. Романтизм приветствовали, когда он строил церкви; терпели, когда он строил библиотеки; баловали, когда он строил прекрасные дома; но он не мог зайти намного дальше. Ричардсон был каменщиком, а каменная кладка вытеснялась сталью; он был оригинальным художником, а оригинальное искусство оттеснялось на задний план знаточеством и коллекционированием; он был строителем, и архитектура все больше и больше привязывалась к бумажному плану; он настаивал на строительстве foursquare, а строительство все больше и больше было обречено на *фасадность*. Сама прочность зданий Ричардсона была фатальной слабостью растущих центров торговли и промышленности. Требуется немалая смелость, чтобы снести один из памятников Ричардсона, и поэтому, по иронии судьбы, они выстояли против уличного движения и спекуляций недвижимостью; но трудность избавления от этих романских сооружений только увеличила спрос на более хрупкий и непринужденный метод строительства.

Романтизм потерпел свое великое поражение в офисном здании. Благодаря использованию пассажирского лифта, впервые спроектированного для выставочной башни, примыкающей к Хрустальному дворцу, в 1853 году, стало возможным увеличить высоту зданий до семи этажей: потребность в арендной плате за землю в настоящее время увеличила высоту до десяти.

Помимо этого, простая каменная кладка не могла обойтись без утолщения опорных опор до такой степени, что на участке в двадцать футов более четверти ширины было бы потеряно на нижних этажах. Здание Ричардсона "Маршалл Филд Билдинг" в Чикаго было семиэтажным; и это было примерно то расстояние, на которое мог подняться твердый камень или кирпич, не становясь недостойным и бесполезным из-за своей массы. Возможности масонства и коммерческой выгоды за счет арендной платы за землю противоречили друг другу, и к 1888 году масонство потерпело поражение.

Ричардсон, к счастью, не дожил до того, чтобы увидеть подрыв традиции, которую он основал и почти установил. Однако через десять лет после его смерти от архитектуры остались только пустые формы, поскольку стальная клетка инженера стала новой структурной реальностью. К 1890 году землевладелец обнаружил, выражаясь языком любимой игры первопроходцев, что "крыша - это предел". Если это было так, зачем ограничивать крышу? Благодаря такому пронизательному восприятию возник небоскреб.

В этот Золотой век стандарты строительства лучших зданий поднялись почти так же высоко, как это было в Америке в любой более ранний период; но количество хороших зданий относительно сократилось; и домашние жилища как в городе, так и в сельской местности утратили те последние штрихи мастерства, которые сохранялись кое-где вплоть до Гражданской войны. В неуклюжих загородных виллах, которые начали заполнять все еще отдаленные пригороды крупных городов, было утрачено всякое чувство стиля и пропорций: планировка была отмечена бессмысленными неровностями; тусклый, мутный цвет распространился по деревянным фасадам. Существует огромный и прекрасно отпечатанный том, экземпляров которого, я полагаю, насчитывается не более сотни, о виллах Ньюпорта в 1876 году: его составитель стремился удовлетворить тщеславие первоначальных владельцев и любопытство более позднего поколения; однако среди всех этих примеров "романа" и "уникальности" нет ни одного особняка, который удовлетворил бы любую мыслимую линию потомков.

Если уровень архитектуры в стране был низким, то в городе он достиг дна пропасти. Еще в 1835 году в Нью-Йорке была введена система многоквартирного жилья как средство создания заторов, повышения арендной платы за землю и удовлетворения наихудшим из возможных способов потребности новых иммигрантов в жилье. Условия жизни в этих многоквартирных домах были бесконечно хуже, чем в самых примитивных фермерских домах колониального периода; отсутствие света, воды, санитарных удобств и уединения создавали замечательную среду для распространения порока и болезней, а их существование в период, когда громко хвастались достижениями науки и индустриализма, показывает, мягко говоря, насколько мифы, вдохновлявшие эпоху, стояли между зрением и реальностью и скрывали реальное состояние современного промышленного сообщества.

К позору профессии архитектора в Америке, худшие особенности строительства многоквартирных домов были стандартизированы в так называемом многоквартирном доме с гантелями, получившем первую премию на конкурсе образцовых многоквартирных домов 1879 года; и многоквартирные дома, спроектированные по этому образцу в последующие годы, сочетали максимальное отсутствие уединения с минимумом света и воздуха. Уличная решетка, узкий фасад, углубленный участок - все это сговорилось для того, чтобы затруднить создание хорошего жилья в крупных городах: в этих рамках хороший дизайн дома, действительно, по-прежнему является сложной задачей. Многоквартирный дом с гантелями Золотого века, однако,

превратил плохое жилье в искусство; и приобретение этого искусства в его более поздних проявлениях теперь является одним из признаков "прогресса" в современном американском городе. Я говорю это без иронии; дело слишком серьезное, чтобы шутить.

В те же семидесятые в Нью-Йорке льготы на жилье для бедных были распространены на тех, у кого было достаточно денег, чтобы позволить себе что-то получше: была введена парижская квартира. Законным оправданием для маленькой квартиры была трудность получения услуг по ведению домашнего хозяйства и бесполезность содержания больших домов для маленьких семей: это, однако, не имело никакого отношения к фактической форме, которую приняла квартира, поскольку, если не считать стремления к чрезмерной арендной плате, построить квартиры для двух семей так же легко, как и для двадцати. Квартира является подлинным удобством для состоятельного посетителя города; она создает для него домашнюю атмосферу без многих связанных с ней серьезных сложностей, и те, кто почувствовал вкус к такой жизни в Париже, не были совершенно абсурдны, желая пользоваться теми же преимуществами в Нью-Йорке. К сожалению, то, что подходит приезжему, не обязательно соответствует требованиям постоянного жителя: можно неделю или месяц терпеть глухую стену, не впадая в депрессию, особенно учитывая, что значительную часть времени посетитель проводит вне дома; но жить год за годом, сталкиваясь с глухой стеной или столь же хмурым фасадом напротив, - значит быть обреченным на тюремную обстановку.

Результатом строительства квартир в Нью-Йорке и других местах стала не более дешевая арендная плата за меньшие кварталы: это были меньшие кварталы без дешевой арендной платы. Те, кто хотел солнечного света и приятного вида, платили за это премиальные; те, кто не получал ни того, ни другого, заплатили более чем достаточно за то, что получили. Результатом строительства квартир, которые удовлетворяли бы потребности только приезжих, стало привлечение посетителей в каждую семью: до острой нехватки жилья ежегодный переезд в новые помещения был единственным паллиативом, который делал их проживание сносным. Количество износа и растрат, потеря энергии, денег и хорошего настроения, вызванные неспособностью архитектора проектировать адекватно финансовым стандартам Золотого века, были колоссальными. Городской кочевник по-своему был таким же расточителем, как и первопроходец прерий. Оба они оказались неспособны создать постоянную цивилизацию, и оба поплатились за это.

III

В первый период новаторства механические усовершенствования повлияли на архитектурную среду, но не на саму архитектуру, если не принимать во внимание такие изобретения, как круглые и восьмиугольные дома тридцатых годов прошлого века. Постепенно сами методы строительства менялись: плотник-строитель, который когда-то выполнял каждую операцию, уступил место столяру, чья работа приносила пользу от шпаклевки и краски, штор и ковров, штукатуру, который прикрывал сырую несовершенную раму, — и сантехнику. Причудливые декоративные формы для дверей и оконных наличников, для лепнины и подвесок были предоставлены строителю по каталогам строгальных и ленточнопильных заводов. Изобретение привело к появлению новинок в области искривления древесины, уникальных по уродству и идиотских по дизайну. Подобно статуям из цинка и железа, украшавшим здания Столетней экспозиции, эти устройства фиксируют поглощение искусства тщетной технологией.

Нет необходимости останавливаться на результатах всех этих жалких усилий, задуманных в спешке и прерванных ради наживы: явление было обычным для индустриальной цивилизации того периода, и его можно наблюдать в Баттерси и Манчестере, а также в Нью-Йорке и Питтсбурге. Мистер Томас Харди, получивший образование архитектора, написал эстетическую апологию индустриализма; и, провозглашая справедливость наших архитектурных заслуг, нельзя не думать, что он перенес в сельскую местность Уэссекса частицу ужасной депрессии, которую, должно быть, приобрел в Лондоне.

“Перспективные геи, ” воскликнул мистер Харди, “ счастливо сочетаются браком с веселыми временами; но, увы! если времена будут не веселыми! Мужчины чаще страдали от насмешек слишком улыбчивого места, чем от угнетения чрезмерно сурового окружения.... Действительно, возникает вопрос, не приближается ли исключительное господство ортодоксальной красоты к своей последней четверти. Новая долина в Темпе может оказаться мрачной пустошью в Туле: человеческие души могут оказаться в более тесной гармонии с внешними вещами, облаченными в мрачность, неприятную нашей расе, когда она была молода. Можем ли мы сказать, что человек настолько привык к своей духовной Бастилии, что он больше не ожидает случайного появления необычной яркости и даже шарахается от нее?”

Даже лучшие работы того периода омрачены этой мрачностью: тот факт, что многие здания Ричардсона имеют тяжелый вид тюрьмы, показывает нам, что Золотой век на самом деле не был веселым, и что духовная Черная пятница постоянно угрожала календарю его дней.

IV

Если романтическое движение в Америке доказало, что архитектор может охватить лишь небольшую часть сферы деятельности и не идти дальше, чем позволяют интересы привилегий, то строительство Бруклинского моста показало, насколько хорошо индустриализм может справляться со своими проблемами, когда его цели не ограничены необходимостью небрежного исполнения и быстрой текучести кадров. История его строительства - это дань уважения как науке, так и человечеству. Когда Джон Реблинг, проектировщик моста, умер в разгар своей работы, строительством занялся его сын, и из-за своей преданности делу в сезон и вне сезона Вашингтон Реблинг стал инвалидом. Запертый в своем доме на Коламбия-Хайтс, младший Реблинг в течение десяти лет наблюдал за ходом работ в подзорную трубу и руководил ими, как генерал руководил бы сражением. Так гласит легенда: она гораздо выше, чем рассказы о низменном благоразумии или механическом мастерстве, прославлявшие героев мистера Сэмюэля Смайлза.

Сам мост был свидетельством стремительного прогресса физической науки. Строгие линии моста и красивая кривая, описываемая подвешенными к нему тросами, были выведены из элегантной формулы математической физики — упругой кривой. Если в архитектурных элементах массивных опор, возможно, слишком много инженерного мастерства, если заостренные арки встречают эстетическое предательство в плоской твердости карнизов, если, короче говоря, каменная кладка не поет так, как, возможно, смог бы заставить ее петь один Ричардсон, то сами стальные конструкции компенсируют это архитектурной красотой своего рисунка; так что, я думаю, Бруклинский мост был источником радости и вдохновения для художника, как ни один другой аспект Нью-Йорка. В более поздних мостах элементы перекрытия более прочные, а поддерживающие опоры и тросы более легкие и менее

необходимые; и они эстетически страдают из-за самой легкости их победы над инженерными трудностями.

Все, чем эпоха могла по праву гордиться — достижения науки, умение обращаться с железом, личный героизм перед лицом опасных производственных процессов, готовность браться за неизведанное и невозможное, — достигло апогея на Бруклинском мосту. То, что было гротескным и варварским в индустриализме, было отброшено в великих мостах. Эти пути сообщения, как это ни парадоксально, являются единственными сохранившимися памятниками, свидетельствующими о непростом промышленном переходе; и по сей день они передают чувство достоинства, стабильности и непоколебимого равновесия.

Бруклинский мост был открыт в 1884 году; Ричардсон умер после завершения строительства здания суда Питтсбурга в 1886 году. Был короткий период, в течение которого отголоски стиля Ричардсона звучали в работах западных архитекторов; а затем в Нью-Йорке двое собственных учеников Ричардсона, господа Дж. Макким и Уайт, которые уловили дух периода, последовавшего за переходом границы, подготовили соответствующую форму для своей деятельности. Безусловно, лучшее, что было создано в конце восьмидесятых, - это крытые дранкой дома, которые Ричардсон, Стэнфорд Уайт и еще несколько человек разработали для компании seaboard estates: они восстановили дух ранних народных работ и продолжили колониальную традицию, даже отдаленно не напоминая колониальные формы. Однако едва прозвучала эта новая нота, как она затихла; и в последующие двадцать лет конфликт между индустриализмом и романтизмом был поглощен и окончательно забыт с приходом нового уклада. Ричардсон умер не слишком рано. Качество ума и культуры, которые сквозят в его работах, противоречили почти каждому проявлению периода, пришедшего ему на смену.

С этого времени романтизм сохранил за собой место только за счет отказа от своих притязаний занять всю область архитектуры. В церквях и залах колледжей, где традиционная связь со средневековьем, возможно, никогда не была полностью разорвана, ее триумфы были подлинными; но хотя Мемориал Харкнесса мистера Дж. Гудхью и церковь Святого Фомы Крама, например, сами по себе оставляют желать лучшего, они не создали прецедента для сотен других видов зданий, в которых нуждается современное общество; и не лишено значения, что в своих самых последних усилиях мистер Гудхью, например, отказался от форм романтизма. В отличие от Ричардсона, выжившие романтики теперь требуют определенной изоляции от современного мира; более умные представители движения верят вместе с доктором Ральфом Адамсом Крамом, что нет надежды на достижение этого во всем сообществе без возвращения в “Города-крепости”.

Такое отступление равносильно капитуляции. Придерживаться готического прецедента в надежде воссоздать средневековое сообщество - все равно что надеяться, что старинная бутылка превратит перманганат калия в бордо. Романтики никогда в полной мере не сталкивались с социальными и экономическими проблемами, сопровождающими их архитектурные решения: в результате они зависели от помощи тех самых сил и институтов, с которыми, по сути, они стремятся бороться. Изолированный на маленьких островах, на данный момент в безопасности, романтизм должен смотреть на работу на материке с жестом гневного отчаяния; и единственное будущее, с которым он осмеливается столкнуться, лежит за ним!

ГЛАВА ШЕСТАЯ ИМПЕРАТОРСКИЙ ФАСАД

Я

Десятилетие между 1890 и 1900 годами ознаменовалось зарождением нового периода в американской архитектуре. Этот период, правда, был смутно обозначен грандиозным L'Enfant, но если внешние формы напоминали формы ранней республики и если прецеденты классической архитектуры снова стали ориентиром, то эпоха рассвета не была ни возрождением, ни продолжением.

Тем временем появились новые веяния. Поколение студентов, учившихся в Школе изящных искусств после Гражданской войны, было, наконец, готово следовать по одинокому пути, проложенному Ричардом Х. Хантом. Самые близкие ученики Ричардсона отреагировали против штампа его личности и искали более нейтральный способ выражения, освященный устоявшимися канонами хорошего вкуса. Вдобавок ко всему, внедрение конструкции со стальным каркасом устранило необходимость в сплошной каменной кладке и придало маске особое значение. Сцена была подготовлена для нового акта драмы.

Все эти влияния сформировали стиль нашей архитектуры, когда он зародился; но условием, которое дало ему прочную основу, было возникновение нового порядка в экономической жизни Америки. До этого времени главной промышленной проблемой было совершенствование процессов механического производства и выделение новых областей для эксплуатации. Можно сравнить эти экономические достижения с отдельными вылазками армии, действующей на широком фронте: любой авантюрист-одиночка мог бы собраться с духом и использовать изобретение или пробить нефтяную скважину, если бы смог ее найти. К 1890 году граница была закрыта; основные ресурсы страны находились под контролем монополиста; закрепление завоеваний стало более важным, чем их свежее достижение. Отдельные линии железных дорог были объединены в системы; отдельные сталелитейные и нефтеперерабатывающие заводы были преобразованы в тресты; и там, где монополия не покоилась на фундаменте естественных преимуществ, "джентльменское соглашение" начало свою службу в качестве полезной замены. Народные движения, которые стремились бросить вызов силам этого нового режима — рабочее движение, социализм, популизм — не проанализировали ситуацию с достаточной тщательностью и не заручились поддержкой большинства. Поражение Генри Джорджа в качестве местного политического кандидата было символичным: к 1888 году такой гуманный мыслитель, как Эдвард Беллами, уже смирился с поражением, принял идею треста и задумал всеобъемлющую утопию, основанную на том, чтобы довести процесс монополизации до предела, чтобы, наконец, простым нажатием рычагов обширные экономические организации страны стали "собственностью" народа.

Движение к открытым землям полностью приостановилось. Сухопутная империя была завоевана, и ее правители набирали силу и богатство: имя "миллионер" стало патентом новой знати Америки. С переходом от промышленности к финансам произошел переход от городов-производителей к городам-расходоателям: архитектура поселилась на фондовых биржах, в

банках, магазинах и клубах мегаполиса; если она вообще стремилась к сельской местности, то утвердилась в виллах, которые были недавно построены на холмах и побережье по соседству с крупными городами. Ключ к этому периоду - богатство и размах: “деньги, которые нужно сжигать”.

Эти годы стали свидетелями того, что римский историк Ферреро назвал “*подлинным возобновлением истории*”. В новых привилегированных центрах возник такой уровень жизни и такая архитектура, которые, со всеми сопутствующими им страданиями, истощением и эксплуатацией, напоминали Рим первого и второго веков после Рождества Христова. Излишне говорить, что были возведены огромные акры зданий, фабрик, магазинов, жилых домов, которые вообще не имели никакого отношения к имперскому режиму; ибо не все участвовали ни в выгодах, ни в спадах, сопровождавших рост монополии; но акцент этого периода, доминирующая нота, был имперским. Хотя обычное здание того времени нельзя игнорировать, оно остается, так сказать, за кадром.

II

Едва начался процесс концентрации и консолидации, как проявилась надлежащая форма. Поводом для ее появления стала Всемирная Колумбийская выставка, открытая в 1893 году. Создавая эту выставку, предприимчивость и организаторские способности, которые архитекторы Чикаго применили при строительстве небоскреба, за два коротких года превратили неухоженную пустыню Джексон-парка в Большой Белый город. Здесь архитекторы страны, особенно из Нью-Йорка и Чикаго, впервые появились как объединенная профессия, или, точнее говоря, как колледж. Возглавляемые жителями Нью-Йорка, которые более решительно подчинились европейскому влиянию, они привнесли в эту экспозицию сочетание мастерства и вкуса во всех областях искусства, которое двумя столетиями ранее создало великолепные формальности Версаля. Было единство плана в группировке основных зданий вокруг лагуны; было единство тона и цвета в сверкающих белых фасадах; было единство эффекта в использовании классических ордеров и классических форм декора. Не имея какого—либо подлинного единства идей и целей - поскольку изначально Root задумывал пеструю восточную обстановку — архитекторы экспозиции добились эффекта единства, подчинив свою работу установленному прецеденту. Они пропели римскую литанию над Вавилонским столпотворением индивидуальных стилей. Это был грандиозный триумф академического воображения. Если эти главные здания были архитектурой, то Америка никогда раньше не видела столько всего этого одновременно. Даже этот запоздалый греко-пуританин, мистер Чарльз Элиот Нортон, был щедр на похвалы.

Было бы глупо спорить со стилем, который был выбран для этих экспозиционных зданий, или отрицать его уместность. Господа. Макким, Уайт, Хант и Бернхэм догадались, что им суждено служить деспотам и императорам эпохи Возрождения, обладавшим большей властью, чем римляне, и безошибочно выбрали подходящую форму для своей деятельности. В то время как Рим околдовал архитекторов раннего Возрождения, потому что они хотели еще раз войти в его жизнь, жизнь его мудрецов, поэтов и художников, он привлек архитекторов Белого города из—за его внешних особенностей — из—за его стереотипных канонов и правил - из-за относительно небольшого количества вариантов, которые он предлагал для тех, кто потерял вкус, - из-за его умения бросаться в глаза расточительностью и из-за того очень ни к чему не обязывающего

качества его массивных форм, которое позволило базилике превратиться в церковь, а храму - в современный банк.

Из всех архитекторов эпохи Возрождения их порывы и интересы были, пожалуй, ближе всего к Роберту Адаму, чью церковь в Уэст-Уиком можно было превратить в бальный зал, просто убрав скамьи и позволив ярким стенам и украшениям говорить самим за себя. За белым фасадом зданий Всемирной выставки скрывалась инженерная конструкция из стали и стекла: здание говорило на одном языке, а “архитектура” - на другом. Если появление небоскреба превратило каменную кладку в облицовку, то здесь был стиль архитектуры, который был всего лишь облицовкой.

На своем месте, на Выставке, эти классические здания были всем, что можно было потребовать: защита мистером Джеффри Скоттом барокко в "Архитектуре гуманизма" особенно применима к его основным проявлениям в Саду и Театре — и почему не на Выставке? Форма и функция, орнамент и дизайн не имеют внутренней связи друг с другом, когда настроение архитектора просто игривое: нет смысла обсуждать анатомию архитектуры, когда ее единственной целью является маскарадный костюм. Как маска, как каприз, классические заказы так же оправданны, как глазурь на праздничном торте: они отвлекают взгляд, не повреждая структуру, которую скрывают. К сожалению, архитектура эпохи Возрождения имеет тенденцию подражать надменной королеве, которая посоветовала палате общин есть торт. По логике вещей, это требует, чтобы клерк с Уолл-стрит жил как ломбардский принц, чтобы фабрика была подчинена эстетическому созерцанию; и поскольку это невозможно, это позволяет “простому строительству” стать неграмотным и вульгарным ниже стандартов самого низкопробного народного языка. Правильные по пропорциям, элегантные в деталях, вежливые по отношению друг к другу здания Всемирной выставки были, тем не менее, лишь подобием живой архитектуры: они были концентрированным выражением эпохи, которая стремилась производить “ценности”, а не товары. По сравнению с этим новым стилем романтизм викторианской эпохи с его страстным уважением к средневековым строительным традициям был самой честностью и достоинством.

Римский прецедент, модифицированный работами Людовика XIV и Наполеона III, Ленотра и Османа, лег в основу не только Всемирной выставки, но и множества городских планов, которые были разработаны в последующие два десятилетия. Какое-то время казалось, что архитектор может занять место инженера в качестве градостроителя, и что искаженная регулярность инженерной сетки, заложенная без учета топографических преимуществ или использования, может быть определенно вытеснена в реконструированных центральных районах, а также в новых пристройках и пригородах американского города. Зло триумфа Всемирной выставки заключалось в том, что оно внушало энтузиастам гражданского общества мысль о том, что каждый город может стать ярмаркой: оно вводило представление о Прекрасном городе как о своего рода муниципальной косметике и сводило работу архитектора к тому, чтобы придать приятный вид неряшливым зданиям, однообразным улицам и убогим домам, которые характеризовали обширные территории в новых и более крупных городах.

Если инженер, посвятивший себя только канализации и планам улиц, был поверхностен, то градостроитель, сосредоточивший внимание только на бульварах, только на больших проспектах и площадях, подобных площади Этуаль, был столь же поверхностен. Гражданский центр и бульвар представляли лучшую и более конструктивную сторону этих усилий: в

Кливленде, Питтсбурге, Спрингфилде, Массачусетс, гармоничные группы белых зданий возвышались над путаницей коммерческого движения, а при восстановлении плана Л'Энфана для Вашингтона реалии имперского режима наконец-то настигли мечтателя, родившегося не в свое время. Однако многие из этих планов были трогательно незрелыми. Например, в одном из отчетов для Манхэттена целые страницы были посвящены демонстрации улучшений, которые последуют за сносом стены вокруг Центрального парка, и важности подстриженных деревьев в дизайне больших проспектов!

Очевидно, архитектор недостаточно реалистично подошел к той колоссальной задаче, с которой он столкнулся при реконструкции города. Он слишком высоко оценивал свои улучшения из—за того значения, которое придавали им лидеры Крупного бизнеса - как создатель стоимости земли, как элемент повышения коммерческой привлекательности города. Разве сам мистер Дэниел Бернхэм не указывал на улучшения в Афинах Перикла не как на воплощение афинского гражданства и религии на самом высоком уровне, а как на меру повышения привлекательности города для гостей из-за рубежа? Оторванный от своей истинной функции служить обществу и украшать его, превратившийся в аксессуар самого бизнеса, подобно простому продавцу или рекламному агенту, неудивительно, что архитектор быстро потерял свое лидерство; и инициатива снова перешла в руки инженера.

Главная заслуга всех этих усилий по увековечиванию Всемирной выставки заключается в том, что они стремились сохранить достоинство и решительность официального плана. Их слабость заключалась в том, что они пренебрегли новыми элементами, такими как рекламный щит, небесный знак, метро, высотное здание, что подорвало эффект плана, даже когда он был достигнут. В своих попытках вырваться из сумятицы ошибочных коммерческих предприятий защитники красоты города слишком полагались на места внешнего порядка и благопристойности; они нашли убежище в бумажной симметрии осевых проспектов и круглых точек, какие можно найти в Париже Османа, и пренебрегли более глубокими и подлинными красотами, скажем, Хай-стрит в Оксфорде или Чиппинг-Камдене, или многих других европейских городов, которые завершились в основном до девятнадцатого века.

Короче говоря, защитники прекрасного города искали средство правовой защиты на бумаге, которое можно было приобрести только путем тщательной реорганизации жизни сообщества. Если все это применимо к лучшей стороне Всемирной выставки, то еще более явно это касается худшей.

Двадцать лет между 1890 и 1910 годами ознаменовались полной реабилитацией римского уклада, как самого плаща и костюма имперской предприимчивости. Основное усилие архитектуры состояло в том, чтобы придать эффект достоинства и постоянства фасадам основных магистралей: общественные здания должны доминировать в композициях, многочисленные бульвары и аллеи должны концентрировать движение в определенных точках и направлять незнакомца к рынкам и увеселениям: там, где это возможно, как в плане Чикаго, разработанном господами Дж. Бернхэм и Беннетт, проспекты должны быть прорезаны через сетку блоков, чтобы достичь этих эффектов. Хотя эта имперская уличная система несколько произвольна, и если необходимая работа по сортировке, заполнению, сносу и приобретению существующих прав собственности чрезвычайно дорогостояща, цель, тем не менее, оправдывает средства — архитектура впечатляет и внушает благоговейный трепет населению,

которое опосредованно разделяет ее славу. Если эффект окажется слишком строгим и внушительным, памятники будут компенсированы цирками и ипподромами.

Во всем этом Всемирная выставка была точным и классическим примером, поскольку она в миниатюре воспроизводила императорский орден. Когда паника 1893 года удержала людей от посещения выставок искусства, промышленности и культуры, проницательные организаторы быстро ввели дополнительные шоу. За безмятежными классическими фасадами, напоминающими о возвышении Марка Аврелия, раскинулись зазывалы, уроды и трюкеры, чьи безвкусные кабинки могли бы напомнить зрителю о другой стороне имперского щита — геймианстве Петрония Арбитра. Трансформация этих белых фасадов в Веселый Белый стиль произошла в течение следующего десятилетия, в то время как аттракционы получили отдельное название “Кони-Айленд”. Вдобавок ко всему появились слегка гладиаторские зрелища в виде футбола и бейсбола: первоначально изобретенные для игровых упражнений, они стали стандартным средством демонстрации более или менее профессиональными исполнителями. Возведение многочисленных амфитеатров и арен, таких как Йельская чаша, стадион Гарварда, стадион Льюисон и их аналогов на Западе, завершило имперское зрелище.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств крупномасштабное производство портландцемента и возрождение римского метода производства бетона пришлось на тот же период. Может ли кто-нибудь, созерцая эту сцену, по-прежнему воображать, что империализм был не чем иным, как попыткой завоевать иностранные рынки и территории эксплуатации? Напротив, это была тенденция, которая проявлялась во всех областях западной цивилизации, и если она проявляется наиболее обнаженно, возможно, в Америке, то только потому, что, как и в более ранние периоды, здесь было так мало препятствий на ее пути. Мистер Луис Салливан вполне мог бы пожаловаться в "Автобиографии Idea", что империализм подавил более творческие формы архитектуры, которые могли бы развиться из наших прекрасных достижений в науке, из наших пробных экспериментов в области демократии. Однако кажется неизбежным, что доминирующий факт нашей цивилизации должен запечатлеть его изображение на самых важных памятниках и зданиях. Отдавая должное великим приверженцам классического стиля, господам Дж. Макким, Бернхэм, Каррере и Гастингс, нужно признать, что эпоха сформировала их, выбрала и использовала в своих целях. Их способ строительства почти неизбежно определялся средой, в которой они работали.

Изменение социальной обстановки, благоприятствовавшее созданию имперской обстановки, не обошлось без последствий для отраслей промышленности, поставлявших материалы для архитектуры, и для процессов самого строительства. Финансовой концентрации в каменоломнях, например, способствовало создание национальной системы железнодорожных перевозок и частично, возможно, разработка механического оборудования для резки камня за пределами того уровня, когда небольшой завод мог работать экономично. Результатом стало то, что в течение этого периода многочисленным небольшим местным карьерам, которые были созданы благодаря тонкому восприятию Ричардсоном цветовых контрастов, было позволено закрыться. Мрамор Вермонта и известняк Индианы лучше соответствовали традициям, которые были созданы в Белом городе.

Перевозка угля в Ньюкасл всегда была жалким занятием; в эпоху империи это стало предметом для хвастовства. Точно так же, как многие города Коннектикута, чьи близлежащие поля полны превосходных гранитных валунов, могут похвастаться банком или библиотекой из удаленного

мрамора, так и Нью-Йорк, который имеет прочный фундамент из сланцев, гнейса и известняка, может указать лишь на горстку зданий, в частности Колледж города Нью-Йорка и церковь Покрова г-на Гудхью, в которой были использованы эти превосходные местные материалы. Любопытным результатом возможности с помощью железнодорожного транспорта доставлять материалы на край света стало не разнообразие, а монотонность. По императорскому приказу архитектор был вынужден проектировать сооружения, идентичные по стилю, отделке и материалам, хотя они были расположены за тысячи миль друг от друга и отличались по всем важным функциям. Такое незнание региональных ресурсов не является несовместимым с грандиозными эффектами или даже, иногда, с прилично хорошей архитектурой. Но это не выигрывает от той тонкой адаптации к местности, от той справедливости пропорций в размере окна и наклоне крыши, которые являются залогом мастерства архитектора в местной ситуации. Замените Манилу военной колонией Тимгад или Лос-Анджелес Александрией, и станет ясно, что здесь мы имеем дело с другим аспектом обобщения Ферреро. Даже архитекторы, чье место работы находилось ближе к месту возведения их зданий, были, тем не менее, вынуждены копировать стиль более успешных практиков в Нью-Йорке и Чикаго.

В правительстве, промышленности, архитектуре имперская эпоха была единой. Основная политика империализма заключается в эксплуатации жизни и ресурсов отдельных регионов в интересах обладателей привилегий в столице. Согласно этому правилу, все дороги ведут буквально в Рим. В то время как, как указывает немецкий историк В. Х. Риль, провинциальные магистрали служили для того, чтобы вывести город из сельской местности, железные дороги служили для объединения крупных городов и для перекачки продуктов из сельских регионов в мегаполис. Не случайно великими триумфами американской архитектуры имперского периода были железнодорожные вокзалы, особенно Пенсильванский и Гранд Централ в Нью-Йорке, а также Юнион Стейшн в Вашингтоне. Не случайно вашингтонский и пенсильванский вокзалы являются памятниками двум архитекторам, Маккиму и Бернхэму, которые от всего сердца поклонялись императорскому святилищу. Обладая исключительной проницательностью, эти люди основали Американскую академию в Риме: они узнали свой дом.

С эстетической точки зрения, пожалуй, верно, что лучшим элементом Пенсильванского вокзала является вестибюль, где архитектор искренне поработал со стальными элементами и не позволил себе бросить любовный ретроспективный взгляд на римские бани. Однако, если принять все во внимание, на железнодорожных станциях и стадионах — этих подлинно римских наследиях — остается меньше поводов для критики, чем в любом другом имперском памятнике. Действительно, римская архитектура настолько хорошо сочетается с железнодорожным вокзалом, что одно из главных достоинств такого здания, а именно простота обращения, было даже передано Нью-Йоркской публичной библиотеке, где это не что иное, как помеха, поскольку увеличивает уровень шума и уменьшает пространство для читальных залов, которые и без того переполнены.

Здесь, действительно, главный недостаток устоявшегося и формализованного режима: он, как правило, заставляет архитектора думать о новой проблеме в терминах старого решения другой проблемы. Мистер Чарльз Макким, например, с возмущением снялся с конкурса по поводу Нью-Йоркской публичной библиотеки, потому что требования библиотекаря к удобному и оперативному ведению его бизнеса противоречили полномасштабной концепции, которую

имел в виду мистер Макким. Все это произошло после многолетней демонстрации в Бостонской библиотеке имени Мистера Дж. Макким и Уайт не смогли прямо подойти к решению этой проблемы; и на это, по-видимому, не повлияло быт работы мистера Маккима с большой библиотекой Колумбии, в которой достаточно места для всего, кроме книг. Короче говоря, классический стиль служил достаточно хорошо только тогда, когда возводимое здание имело какое-то прямое отношение к потребностям и интересам римского мира — сборищу бездельников в банях или рядам зрителей в цирках и ипподромах. Когда он столкнулся лицом к лицу с нашими собственными днями, ему было мало что сказать, и сказал он это плохо, в чем любой, кто терпеливо изучит наложенные приказы на здании Американского телеграфа в Нью-Йорке, убедится сам.

III

С переходом от республиканского Рима к императорскому Божественному цезарю были воздвигнуты многочисленные памятники. За гораздо более короткий срок, чем это было отмечено ростом имперской традиции в Америке, произошло аналогичное возрождение патриотических воспоминаний.

При восстановлении первоначального плана Вашингтона, которое началось в 1901 году, ось плана была изменена таким образом, чтобы она проходила через Памятник Вашингтону; и в то же время было назначено место Мемориалу Линкольна, спроектированному покойным мистером Генри Бэконом, учеником мистера Маккима. Это был первый из целой серии храмов, посвященных национальным божествам. В Мемориале Линкольна, в Мемориале Маккинли в Найлзе, штат Огайо, в Зале славы Нью-Йоркского университета и в их прототипе, Могиле Гранта, чувствуется не живая красота нашего американского прошлого, а похоронная атмосфера археологии. Америка, в которой вырос Линкольн, домотканая, гуманная и юмористическая Америка, которую он хотел сохранить, не имеет ничего общего со строгим классическим памятником, воздвигнутым в его память. Интересно, кто живет в этом святилище — Линкольн или люди, которые его задумали: лидер, видевший печальную победу в Гражданской войне, или поколение, которое наслаждалось скромным триумфом испано-американского подвига и водрузило имперский штандарт на Филиппинах и в Карибском бассейне?

На уровне частного гражданства имело место аналогичное движение: если до 1890 года на наших кладбищах можно пересчитать надгробия, которые громко хвастаются земными владениями и властью владельца, то с этого времени миниатюрные храмы-мавзолеи встречаются все чаще. Фактически, по нашим кладбищам можно было бы проследить всю историю архитектуры; все, что до сих пор было описано, можно было бы отметить в прогрессе от простой плиты, вырезанной в почти аттической чистоте с плакучей ивой или кубистическим херувимом, которые характеризовали восемнадцатый век, до плохих надписей и более неуклюжих надгробий начала девятнадцатого века; и от этого до внедрения полированного гранита и железных украшений на кладбище после гражданской войны, вплоть до механически совершенного мавзолея, где трупы упакованы, как пассажиры поезда метро, что некоторые из наших наиболее экспансивно прогрессивных сообщества могут похвастаться сегодняшним днем. Как мы живем, так и умираем: неудивительно, что Шелли описал Ад как место, очень похожее на Лондон.

Римское развитие Нью-Йорка, Чикаго, Вашингтона и более мелких мегаполисов оказало важное влияние на дома людей. Исторически сложилось так, что императорский памятник и многоквартирный дом-трущобы идут рука об руку. Тот же процесс, который создает незаработанный прирост для домовладельцев, владеющих привилегированными участками, вносит щедрую долю — которую можно было бы назвать незаработанными экскрементами — депрессии, перенаселенности и плохой жизни вспальных районах города. Это произошло в имперском Риме; это повторилось в Париже при Наполеоне III, где масштабные реконструкции Османа создали новые трущобы в районах за гранд-авеню, такие же плохие, хотя и гораздо менее очевидные, как те, которые были расчищены; и это повторилось еще раз в наших американских городах. Однако, в то время как в Риме на расширение города был наложен определенный предел из-за низкого развития автомобильного движения, рост механического транспорта вообще не накладывал ограничений на американский город. Если Рим был вынужден создавать огромные инженерные проекты, такие как акведуки и канализационные коллекторы, чтобы очистить жителей и удалить отбросы из своих перенаселенных районов, американский город последовал примеру современных римлян, таких как Лондон и Париж, разработав искусственные коллекторы, по которым массы плебеев могли ежедневно перемещаться между своими общежитиями и фабриками.

Эти колоссальные инженерные разработки не только не уменьшили заторы, но и сделали их еще более возможными: проложив больше фидерных линий в центральных районах Нью-Йорка, Бостона, Чикаго или где угодно, rapid transit увеличил загруженность жилых домов на одном конце и бизнеса - на другом. Что касается первичной канализационной системы, разработанной для имперской метрополии, то при быстром перемещении она вряд ли могла даже претендовать на то, что была ценным коммерческим вложением. Сточные воды Нью-Йорка настолько сильно загрязнены, что из реки Гудзон исчезли не только шад и устричные заросли, где когда-то процветали и те, и другие, но и возникает серьезный вопрос, смогут ли приливы продолжать переносить огромное количество сточных вод без предварительного уменьшения их содержания. Подобно расширению водопровода в Адирондаках, все эти необходимые небольшие улучшения увеличивают стоимость жизни на душу населения в имперском мегаполисе, не обеспечивая ни единого преимущества, которого нет в небольшом городе, не нуждающемся в подобных улучшениях. Например, в вопросе общественных парков Комитет по перегруженности Нью-Йорка в 1911 году подсчитал, что парковая площадь, необходимая только для Ист-Сайда, в масштабах, предоставленных городом Хартфорд, будет больше, чем вся площадь острова Манхэттен. Короче говоря, даже при своих чисто утилитарных требованиях массовый город, как его называют немцы, стоит дороже и дает меньше, чем сообщества, которым не было навязано имперское величие.

Что касается более позитивных улучшений при имперском режиме, история не оставляет сомнений в их сомнительном характере, и текущие наблюдения только усиливают урок истории. Обсуждая рост доходных домов в Риме после Великого пожара, Фридлендер говорит:

“Мотивы для наращивания этажей были такими же сильными, как и прежде: площадка для Форума Цезаря обошлась арендаторам и землевладельцам в компенсацию более чем в 875 000 фунтов стерлингов. В Риме были дома более высокие, чем в современной столице. Непропорционально большая часть площади, доступной для застройки, была монополизирована немногими из-за пустой траты пространства при избыточной архитектуре того времени, и очень значительная часть была поглощена общественными местами, такими

как императорские форумы, которые занимали шесть гектаров, а также правилами дорожного движения и расширением улиц. Преобразование и украшение Рима цезарями усилило нехватку жилья, как и улучшения, произведенные Наполеоном III в Париже. Еще одной побочной причиной повышения цен на жилье была привычка спекулировать недвижимостью (которую Красс практиковал с большим размахом) и монополия собственников, вследствие чего дома сдавались внаем”.

Было бы утомительно проводить параллель: при схожих социальных условиях в Америке мы не смогли избежать тех же социальных результатов, вплоть до того факта, что паллиативы частной филантропии снова процветают здесь, поскольку они нигде не процветали в таких масштабах со времен Римской империи. Вот и все об имперском величии. Когда такой архитектор, как мистер Эдвард Беннетт, может сказать, как он это сделал в книге “Значение изящных искусств”: “При необходимости разместите людей плотно, но сохраните большие площади для отдыха”, нам не нужно сомневаться в том, кто выиграет от плотности населения, а кто, с другой стороны, от отдыха. Дело не только в том, что парк должен быть создан для устранения заторов: даже в большей степени заторы должны быть созданы для того, чтобы обеспечить существование парка. Извлекать выгоду как из болезни, так и из лекарства - один из мастерских приемов империалистического предпринимательства. Г-н Дэниел Бернхэм сказал о Всемирной выставке, согласно г-ну Беннетту и г-ну Чарльзу Муру, “что римляне хотели бы создать ее в постоянной форме”. Можно сказать о наших имперских городах, что они — то, что создали римляне, но будет ли форма постоянной или нет, это вопрос, который мы можем оставить на усмотрение ироничного внимания истории.

Что касается меня, то я думаю, что мы наконец-то обрели критерий, который позволит нам подвести итог архитектуре имперской эпохи и справедливо относиться к этим железнодорожным станциям и стадионам, этим коллекторам и циркам, этим акведукам, бульварам и большим проспектам. Наша имперская архитектура - это архитектура компенсации: она предоставляет высокопарные камни людям, лишенным хлеба, солнечного света и всего того, что удерживает человека от превращения в мерзость. За монументальными фасадами наших мегаполисов тащится безземельный пролетариат, обреченный на рабскую рутину фабричной системы; а за пределами больших городов лежит сельская местность, товары которой истощаются, чьи дети оторваны от земли в надежде на легкую наживу и бесконечные развлечения, а оставшиеся земледельцы неуклонно скатываются в ряды жалких арендаторов. Это не случайное наблюдение: это перевод последних трех отчетов о переписи населения на простой английский. Можно ли всерьез относиться к претензиям этой архитектуры; можно ли беспокоиться о ее эстетике или испытывать полное наслаждение от таких изящных форм, как Храм Шотландского обряда мистера Поупа в Вашингтоне или Мемориал Линкольна мистера Бэкона? Да, возможно — если человек отказывается заглядывать за маску.

Даже в некоторых из его самых гордых зданий имперский облик изнашивается; и не нужно заглядывать в трущобы за их пределами, чтобы осознать их недостатки. Задняя часть музея Метрополитен или Бруклинского музея, например, может быть задней частью ряда многоквартирных домов Бронкса или фабрик Лонг-Айленд-Сити, настолько изможденным, бесплодным и отвратительным является их внешний вид. Если имперская эпоха была предвосхищена Всемирной выставкой, то в музее она получила свой апофеоз. В отличие от местных музеев, которые до сих пор время от времени встречаются в Европе и которые являются не более чем продолжениями местного антикварного кабинета, императорский

музей, по сути, представляет собой кучу награбленного, всеобъемлющее хранилище награбленного. Мудрец Виоле-ле-Дюк однажды патетично сказал, что предпочитает видеть свои яблоки висящими на дереве, а не разложенными рядами во фруктовой лавке: но дух музея состоит в том, чтобы ценить сорванный плод больше, чем дерево, на котором он вырос.

В музей попадают фрагменты других земель, других культур, других цивилизаций. Все, что когда-то было живой верой и практикой, здесь сведено к отдельному образцу, образцу или форме. Для музея мир искусства уже создан: будущее ограничено воспроизведением усовершенствованного прошлого. Эта враждебность идентична той, которая делала римлян такими искусными в копировании греческих статуй и такими скучными в вырезании своих собственных; желанная привычка к смирению, если бы не тот факт, что произведения искусства в прошлом не могли быть созданы, если бы наши предки были так пунктуальны в отношении готовых образцов. Единственное, чего музей не может попытаться сделать, - это создать почву для живого искусства: все, что он может представить, - это образец для воспроизведения. В той мере, в какой неискреннее или подражательное искусство лучше, чем никакого искусства вообще, имперская эпоха ознаменовала прогресс: однако в той мере, в какой живое искусство является свежим проявлением духа, музей слишком ясно признал, что у эпохи не было свежих проявлений; в этом отношении это был провал, и копирование старинной мебели и дизайн старинной архитектуры были яркими доказательствами этого провала.

Музей - это проявление нашего любопытства, нашей жадности, нашей по сути хищнической культуры; и эти качества в изобилии проявились в архитектуре империализма. Было бы глупо упрекать великую плеяду архитекторов в использовании особенностей своей эпохи; ибо даже те, кто в своих верованиях и замыслах остался вне эпохи — такие решительные сторонники средневекового устройства, как доктор Ральф Адамс Крам, — не смогли отвлечь внимание от ее течений. Поскольку мы научились больше заботиться об империи, чем о сообществе свободных людей, живущих хорошей жизнью, больше о владычестве над пальмами и соснами, чем о гуманной дисциплине самих себя, архитектор всего лишь воплотил в жизнь наши желания. Богатство, напрасная трата ресурсов и энергии, извращение человеческих усилий, представленных в этой архитектуре, являются всего лишь результатом нашей общей схемы работы и жизни. Архитектура, как и правительство, настолько хороша, насколько того заслуживает общество. Раковина, которую мы создаем для себя, свидетельствует о нашем духовном развитии так же ясно, как раковина улитки указывает на ее вид. Если иногда архитектура становится застывшей музыкой, мы должны благодарить самих себя, когда это напыщенный рев бессмысленных звуков.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ЭПОХА МАШИН

Я

С 1910 года импульс Имперской эпохи, кажется, немного ослаб: во всяком случае, в архитектуре он утратил большую часть первоначальной энергии, которая была придана ему успехом Чикагской выставки. Возможно, как намекнул Генри Адамс, скорость изменений в современном

мире изменилась, так что процессы, для завершения которых до появления динамо-машины требовались столетия, ускорились на десятилетия.

Когда события и здания находятся так близко от нас, почти невозможно оценить их относительную важность; все, что я могу сделать в этой главе, - это выделить одну или две наиболее важные нити, которые, как мне кажется, должны придать преобладающий цвет ткани нашей архитектуры. Однако довольно легко понять, почему имперский орден не наложил отпечаток на каждый аспект нашего здания: во-первых, эклектика не просто сохранилась, но и новое знакомство, которое американский архитектор приобрел с подлинными европейскими и азиатскими работами за пределами области классики, расширило диапазон эклектики. Итак, архитектура барокко Испании, которая так хорошо расцвела в Мексике, и церковная архитектура Византии и Сирии добавили новое очарование в наш пестрый гардероб: из первого мы извлекли новые уроки орнамента и цвета, с большим успехом примененные мистером Бертрамом Гудхью на Панамско-Тихоокеанской выставке, а теперь буйно расцветающие на южных виллах и садах; а из второго архитектор узнает о важности массы и очертаний — основ монолитного строительства.

Однако, помимо этого, имперский режим был остановлен собственным весом. Стоимость прокладки новых улиц, расширения грандиозных проспектов и в целом создания монументального фасада поставила архитектора-чистокровного архитектора в невыгодное положение: между его планами и реальными целями коммерческого сообщества существует такое же несоответствие, как, довольно часто, между проспектом и реальной организацией отрасли. В пределах современного города инженер, чей утилитарный взгляд никогда не закрывался на необходимость прибыльного предприятия, и чей интерес к людям как к грузам, гирям, нагрузкам или единицам измерения не обращает внимания на их качественные требования как к человеческим существам — в этих пределах, я говорю, инженер восстановил свое превосходство.

Вот, по сути, и парадокс американской архитектуры. В наших загородных домах мы часто достигали совершенства Форест-Хиллз и Бронксвилля; в наших общественных зданиях нам легче приблизиться к силе и оригинальности Капитолия штата Небраска, построенного мистером Гудхью; фактически, никогда прежде индивидуальные достижения американских архитекторов не были такими богатыми, разнообразными и многообещающими. В той части архитектуры, которая находится за пределами нашей коммерческой системы — я имею в виду процветающие загородные дома, здания колледжей, церквей и муниципальных учреждений, — была заложена традиция хорошего строительства и тактичного дизайна. На данном этапе, к сожалению, кругозор архитектора сузился: силы, создающие подавляющее большинство наших зданий, лежат совершенно за пределами возделываемого поля, на котором он работает. В результате механической реорганизации всей среды место архитектуры стало ограниченным; и даже когда архитектура пускает корни в какой-нибудь незаметной щели, она расцветает только для того, чтобы быть срубленной при первой же “деловой возможности”.

Процессы, враждебные архитектуре, возможно, проявляются в худшем виде в деловых районах мегаполиса; но все больше и больше они имеют тенденцию распространяться по всему остальному сообществу. Мистер Чарльз Макким, например, был в восторге от проекта мистера Бернхэма для Иллинойского трастового и сберегательного банка в Чикаго и предсказал, что он

надолго останется памятником его гению. “Но, к сожалению, ” как говорит биограф мистера Бернхэма, “ к несчастью для репутации мистера Маккима как пророка, он недооценил быстрый рост Чикаго, последовавшее за этим повышение стоимости недвижимости в районе Луп и экспансивную мощь крупного банка. Это прекрасное здание обречено быть замененным на другое, которое будет возвышаться в воздух на допустимую высоту для сооружений в деловом районе Чикаго ”. Альтернативой такому разрушению является еще более позорное состояние сохранности; такое состояние, какого достигло здание компании "Никербокер Траст" в Нью-Йорке или старое здание таможни в Бостоне, оба из которых были задушены неуместными небоскребами. Даже там, где экономическая необходимость не играет особой роли, формы бизнеса имеют приоритет над формами гуманизма — как в Йорк-Виллидж при Судходном совете, где, как только руководство общественного планировщика было отменено, вместо того, что было предусмотрено архитектором, был возведен отвратительный и неграмотный ряд витрин магазинов, несмотря на то, что разница в стоимости была незначительной.

К сожалению для архитектуры, каждый район современного города стремится стать деловым районом в том смысле, что его развитие происходит не столько в ответ на прямые потребности человека, сколько с учетом возможностей и срочности продажи. Нестабильность, присущая предприятиям, для которых прибыль и арендная плата стали Идеальными целями, затрагивает не только коммерческие здания: то же самое происходит с огромной массой домов и квартир, предназначенных для продажи. Едва ли какой-либо элемент в нашей архитектуре и городском планировании свободен от посягательств, прямых или косвенных, предпринимательской деятельности. Старый бульвар в Нью-Йорке, например, который был проложен по Твидовому кольцу задолго до того, как земля по обе стороны использовалась под что угодно, кроме ферм сквоттеров, был почти полностью разрушен строительством первых линий метро, и потребовалось двадцать лет, чтобы добиться хотя бы частичного восстановления. Недавно было завершено расширение части Парк—авеню за счет вырубки центрального газона, чтобы уменьшить заторы на дорогах; и потребуется совсем немного времени, прежде чем подземное и наземное движение приведет к постепенному сокращению других наших бульваров - даже тех, которые сейчас кажутся безопасными.

Задача отметить многообразие способов, которыми наша экономическая система повлияла на архитектуру, потребовала бы отдельного эссе: здесь, возможно, будет более уместно обратить внимание на процессы, посредством которых работала наша экономическая система; и, в частности, оценить результаты внедрения механических методов производства и механических форм в провинциях, которые когда-то были полностью заняты ремеслом. Главным фактором, повлиявшим на исключение архитектора из основной массы нашего здания, является сама машина: вычеркнув элементы индивидуальности и индивидуального выбора, она вычеркнула архитектора, унаследовавшего эти качества от плотника-строителя. Мистер Герберт Уэллс в "Новом Макиавелли" описал Альтиору и Оскара Бейли как людей с темпераментом, способными вырубать деревья и заменять их абажурами из санитарного стекла; и эта враждебность зашла довольно далеко как в строительстве, так и в городском планировании, по той причине, что абажуры можно быстро изготовить для продажи, а деревья не могут быть использованы в качестве декоративных элементов. . Возможно, пришло время нам изолировать машину и изучить ее работу. Что лежит в основе нашего машинного ритуала и какое место он занимает по отношению к хорошей жизни?

Прежде чем мы обсудим влияние машин на строительство, давайте рассмотрим само здание как архитектурное целое.

Вплоть до девятнадцатого века дом мог быть убежищем и произведением искусства. После того, как он был возведен, у него было мало внутренних функций, которые нужно было выполнять: его физиологическая система, если мы можем использовать грубую и неточную метафору, была низшего порядка. Открытый камин с дымоходом, окна, которые открывались и закрывались, — вот его самые яркие притязания. У Палладио в его небольшой книге о пяти порядках действительно есть предложения по охлаждению жаркой итальянской виллы с помощью системы дымоходов, ведущих в подземную камеру, из которой циркулировал бы холодный воздух; но эта гениальная схема была реализована на плоскости летательного аппарата Леонардо — я полагаю, скорее предвосхищение, чем проект.

За исключением предложений Рена по вентиляции зданий парламента и фактической установки сэром Хамфри Дэви оборудования для этой цели, инженеры в Америке обратили внимание на эту проблему только в последней четверти девятнадцатого века. Изобретательность янки изобрела центральное отопление еще до Гражданской войны, и в одном из первых номеров *Harper's Weekly* была опубликована статья, в которой выражалось сожаление по поводу чрезмерной теплоты американских интерьеров; и в тот или иной момент в течение столетия универсальный водопровод, открытый водопровод, газ, электрическое освещение, питьевые фонтанчики и высокоскоростные электрические лифты нашли свое применение в дизайне современных зданий. В Европе эти изменения происходили неохотно из-за существования огромного количества домов, построенных без механического оборудования; так что многие студенты факультета изящных искусств вернулись с чердака в латинском квартале, где воду носили в ведрах на седьмой этаж, чтобы проектировать дома, в которых трудосберегающие устройства стали важным элементом плана. Однако только сейчас, в течение последних двух десятилетий, в полной мере ощутили эффект этих нововведений.

Экономический результат всех этих изменений может быть выражен математически; и это важно. Согласно оценке мистера Генри Райта, опубликованной в Журнале Американского института архитекторов, в 1800 году на конструкцию жилого дома приходилось более девяноста процентов стоимости. На протяжении столетия наблюдалось медленное, неуклонное увеличение количества, необходимого для строительства, приспособлений и бытовой техники, пока в 1900 году кривая не пошла резко вверх; в результате в 1920 году стоимость строительства и механического оборудования выросла почти до половины общей стоимости дома. Если эти оценки применимы к простому жилому дому, то они, возможно, с еще большей силой применимы к многоквартирному дому, офисному зданию, фабрике и мансарде: здесь стоимость вентиляции, несгораемых конструкций, противопожарных и спускных устройств еще больше увеличивает объем инженерного оборудования.

Если на первых этапах промышленного развития фабрика влияла на архитектурную среду, то в своем последнем состоянии фабрика стала окружающей средой. Современное здание - это учреждение, предназначенное для производства света, циркуляции воздуха, поддержания равномерной температуры и вертикальной транспортировки его обитателей. Если судить по стандартам лаборатории, современное здание, увы! несовершенная машина: инженеры некой корпорации общественного обслуживания, к примеру, обнаружили, что привычка пробивать

окна в стенах здания-машины ответственны за большие утечки, которые затрудняют отопление и охлаждение установки; и они считают, что максимальная эффективность требует устранения окон, обеспечения “очищенного” воздуха и освещения здания в течение дня электричеством.

Все это, возможно, показалось бы немного фантастичным, если бы не тот факт, что мы шаг за шагом приближались к реальности. Если не считать нашего старомодного предубеждения в пользу окон, которое сохранилось с тех времен, когда, сидя за одним из них, можно было видеть зеленое поле или проходящего соседа, то преобразование, к которому прибегли инженеры, уже завершено. Именно из-за простоты установки вентиляторов, светильников и радиаторов в современном здании значительная часть интерьеров наших небоскребов днем и ночью обеспечена искусственным освещением и вентиляцией. Предел неправильного использования при таком методе строительства неизбежно велик; область проектирования ограничена. Вместо того чтобы уделять внимание экспозиции, естественной циркуляции и прямому дневному свету и создавать планировку, которая позволит достичь этих необходимых целей, архитектор вынужден сосредоточить свои усилия на максимальном использовании земли. Там, где природные факторы игнорируются, инженер всегда готов предложить механическую замену — “такую же хорошую, как оригинал” и намного более дорогую.

Систематически пренебрегая простейшими элементами городского планирования, мы создали обширное и прибыльное поле для всех паллиативных технических приемов: там, где мы устраняем солнечный свет, мы вводим электрическое освещение; там, где мы концентрируем бизнес, мы строим небоскребы; там, где мы перегружаем транспортные магистрали, мы прокладываем подземные переходы; там, где мы позволяем городу перенаселяться населением, плотность которого недопустима в хорошо спроектированном сообществе, мы проводим воду по акведукам на сотни миль, чтобы омыть людей и утолить их жажду; там, где мы лишаем их малейших следов алкоголя, растительности или свежего воздуха, мы строим дороги с металлическим покрытием, которые будут раз в неделю выводить небольшую часть из них в сельскую местность. Все это очень прибыльный бизнес для компаний, которые поставляют легкие и скоростные транспортные средства, легковые автомобили и все остальное в этом роде; но основное население оплачивает свои улучшения обоими способами — то есть оно несет безвозмездные потери и платит “с лихвой” за исправление.

Эти механические усовершенствования, эти лабиринты подземных переходов, эти дерзкие башни, эти бесконечные мили асфальтированных улиц не представляют собой триумф человеческих усилий: они свидетельствуют о всеобъемлющем их неправильном применении. Там, где изобретательный век следует методам, не имеющим никакого отношения к разумному и гуманному существованию, человек с богатым воображением не был бы захвачен этой необходимостью. Передав наше окружение машине, мы лишили машину единственного обещания, которое она нам давала, — возможности более тщательно очеловечить детали нашего существования.

III

Вернемся к архитектуре. Еще одно влияние машинного процесса на внутреннюю экономичность современного здания заключается в том, что оно способствует быстрому производству и оборачиваемости. Это было очень хорошо изложено мистером Бассеттом Джонсом в статье в “Американском архитекторе”, которая является либо хвалебным гимном

машине, либо хладнокровным парадом ее недостатков, в зависимости от позиции, которую можно занять.

“По мере того, как здание все больше и больше приобретает характер машины, ” говорит мистер Джонс, - его проектирование, конструкция и эксплуатация подчиняются тем же правилам, которые регулируют... локомотив. Наши деды строили для последующих поколений. Темпы строительства были медленными, и здание, которое удовлетворяло бы предъявляемым к нему требованиям в течение столетия, обязательно носило бы капитальный характер. Но у нас за одно поколение даже лучшее, что мы можем сделать со всеми имеющимися в нашем распоряжении данными и оборудованием, устарело почти до того, как появились признаки заметного износа. Таким образом, здание, возведенное сегодня, завтра будет превзойдено. Автор хорошо помнит покойного Дугласа Робинсона, когда около двадцати лет назад, описывая местоположение и собственность, которые необходимо улучшить за счет строительства здания, он заканчивал свои указания оговоркой, что это должна быть ‘самая дешевая вещь, которая прослужит пятнадцать лет’! Когда амортизационные отчисления должны основываться на таком коротком периоде, как этот, и при постоянном росте налогов на землю становится очевидным, что строительство должно основываться на оценке кубического фута, которая запрещает использование любых материалов и методов, кроме самых дешевых.... Даже затраты на поддержание требуемого капитала в бездействии в период производства приводят к ускорению производства до такой степени, что каждая часть здания, которая благодаря любой изобретательности человека может быть изготовлена машиной, должна быть изготовлена таким образом ”.

Поскольку особенности, определяющие строительство современных зданий, обусловлены внешними канонами механизма, назначение и адаптация к потребностям играют незначительную роль в дизайне, а сам эстетический элемент появляется в значительной степени случайно. План современногo здания не является основополагающим для его обработки; он автоматически вытекает из используемых методов и материалов. Небоскреб неизбежно представляет собой соты из кубов, задрапированных огнеупорным материалом: по механическому замыслу, он легко трансформируется: этажи одинаковой высоты, окна расположены на одинаковом расстоянии друг от друга, и без особых трудностей отель превращается в офисное здание, офисное здание - в мансарду; и я с уверенностью предвещаю, как этажи башни превратятся в квартиры — действительно, это преобразование в небольших масштабах уже произошло. Там, где существует необходимость охватить большое пространство без использования колонн, например, в театре или зрительном зале, конструкционная сталь предоставила архитектору большую свободу; и в этих областях он научился хорошо использовать свой материал; поскольку здесь сталь может сделать экономично и эстетично то, что каменная кладка может сделать только по неподходящей цене или вообще не делать.

Однако слабым местом некоторых наших зданий является не использование определенных материалов, а применение единой формулы для решения каждой проблемы. В голой механической оболочке современного небоскреба очень мало места для архитектурных модуляций и деталей; разработка небоскреба велась в направлении чисто механической формы. Наши первые высотные здания проектировались по большей части людьми, которые

мыслили в терминах устоявшихся архитектурных форм: здание Монаднок Бернхэма и Рута в Чикаго, оказавшее такое мощное влияние на новую школу немецких архитекторов, было почти единичным исключением; и, что достаточно примечательно, в нем не использовался стальной каркас! Академические архитекторы сравнили небоскреб с колонной, имеющей основание, шахту и капитель; и они стремились облегчить его пустой фасад с помощью сложной модели поверхности, подобной той, что была в старом здании Flatiron Building. Затем небоскреб стали рассматривать как башню, а его вертикальные линии были подчеркнуты опорами, имитирующими акробатический прыжок каменной конструкции: Вулворт-тауэр и Буш-Тауэр были спроектированы таким образом, и, несмотря на многочисленные дефекты в деталях, они остаются в нью-Шелтон-отеле в Нью-Йорке одними из наиболее удовлетворительных примеров небоскребов.

Ни колонна, ни контрфорс не имеют никакого отношения к внутренней конструкции небоскреба; обе формы являются "ложными" или "прикладными". Под чутким руководством покойного мистера Луиса Салливана здания машинного периода приняли логику задрапированного куба, и единственные сохранившиеся элементы традиционной архитектуры - это орнаменты, которые цепляются за самые высокие и самые низкие этажи. Те здания, которые не следуют этой логике, по большей части подчеркивают неуклюжее отсутствие воображения дизайнера: новое здание Standard Oil в Нью-Йорке с его рудиментарными заказами почти вопреки себе демонстрирует интересный профиль напротив гавани, но с более близкого расстояния не выдерживает критики.

Такой специалист по орнаменталисту, как мистер Луис Салливан, пожалуй, лучше всего противостоит простым плоскостям современного здания: но воображение иного порядка, подобное воображению нормандских строителей, бессильно перед лицом этой проблемы — или она становится жестокой. Если современное строительство превратилось в инженерное дело, то современная архитектура сохраняет ненадежную опору в качестве украшения, или, говоря более откровенно, в качестве сюжетной живописи. В самом деле, что такое голый интерьер современного офиса или жилого дома, как не сцена, ожидающая, когда поменяют декорации и поставят новую пьесу. Я полагаю, именно из-за этого сходства современное внутреннее убранство так смело восприняло стандарты и эффекты сценического дизайна. Газетный критик упомянул мистера Нормана-Бела Геддеса, который выстроил внутри театра Century кафедральный собор: что ж, точно так же внутри современного небоскреба выстроились фабрика, офис или дом.

Не зря почти каждая деталь механизированного здания выполнена по стандартному образцу и сохраняет старательную анонимность. За исключением короткого пролета входа, первоначальный архитектор не принимал никакого участия в разработке его интерьера. Если сам архитектор в значительной степени парализован своей проблемой, что мы скажем о ремесленниках и о выживших ремесленниках, которые все еще вкладывают свою долю усилий в кладку кирпичей и камней, соединение труб, оштукатуривание потолков? Исчезла большая часть их возможностей для проявления квалифицированного интеллекта, не говоря уже об искусстве: с таким же успехом они могли бы делать бумажные коробки или сквородки для всего личного, что они могут придать своей работе. Обязательства следовать архитектора конструкции, а принтер должен следить за словами автора, то не удивительно, что они ведут

себя как бедные тянуть лямку в Чикаго экспозиция, кто ушел чуть-чуть или наполовину украшены колоннами, архитектор так и не удосужился продублировать в полном объеме в спешке заканчивать свой рисунок. Стоит ли также удивляться, что исчезли последние остатки цеховых стандартов: что политика производства, переговоры о более высокой заработной плате и меньшем количестве рабочих часов волнуют их больше, чем контроль над своей работой, честь и правдивость своего мастерства? Какую работу может вложить человек в “самое дешевое здание, которое прослужит пятнадцать лет”?

IV

Главным оправданием наших достижений в области механической архитектуры были те, кто считает, что она заложила основу для нового стиля. К сожалению, энтузиасты, которые сами поместили эстетические достижения механической архитектуры в отдельную нишу и которые безмятежно игнорировали все ее промахи, неудачи и неэффективность, сосредоточили свое внимание главным образом на самой слабой ее черте — небоскребе. Я не могу отделаться от мысли, что они искали не в том месте. Были кратко упомянуты экономические и социальные причины, по которым небоскреб считается нежелательным; если бы они нуждались в каком-либо дальнейшем подтверждении, возможно, было бы достаточно недельного знакомства с невзгодами скоростного транспорта. Остается отметить, что эстетические соображения столь же обоснованны.

Все нынешние похвалы небоскребу сводятся к тому факту, что более поздние здания перестали быть такими плохими, как их прототипы. Согласен. Неуклюжая окантовка орнамента, которая когда-то украшала весь фасад, теперь превратилась в концентрированный жест; а правила зонирования, установленные во многих крупных американских городах, превратили старое здание с тяжелым верхом в башню или пирамиду. То, что это своего рода прогресс, бесспорно; в Нью-Йорке достаточно сравнить здание Fisk Tire Building с зданием United States Tire Building, представляющим соответственно более позднюю и раннюю работу одних и тех же архитекторов, чтобы увидеть, какую пользу можно извлечь из юридической необходимости. Однако великая архитектура - это то, что можно увидеть, почувствовать и в чем можно жить. По этому критерию большинство наших претенциозных зданий довольно жалкие.

Когда приближаешься к острову Манхэттен, например, с паромы Стейтен-Айленд или Бруклинского моста, огромные башни на оконечности острова иногда выглядят как сказочные сталагмиты открытого грота; и со случайной наблюдательной точки на двадцатом этаже офисного здания можно время от времени испытывать это впечатление. Но нужно ли мне указывать на то, что можно пересчитать по пальцам количество зданий в Нью-Йорке или Чикаго, к которым можно подобраться подобным образом с улицы? Для миллионов людей, которые заполняют тротуары и передвигаются туда-сюда по трубам, небоскреба как высокого здания, обращенного к облакам, не существует. Его эстетическими особенностями являются вход, лифт и стена с выбоинами от окон; и если в этих местах и наблюдался какой-то уникальный отлив свежего стиля, я не смог его обнаружить.

Чем наши критики научились восхищаться в наших великих зданиях, так это их фотографиями — и это уже другая история. В статье, посвященной главным образом восхвалению небоскреба в ряде видов искусства, большинство иллюстраций было взято с точки, до которой никогда не дотянется обыватель. Короче говоря, это архитектура не для людей, а для ангелов и авиаторов!

Если здания воспринимаются непосредственно, а не через посредство фотографии, небоскреб разрушает свои собственные цели; ибо в городе, построенном так, чтобы к высоким зданиям можно было подойти и оценить их по достоинству, проспекты были бы в десять раз шире нынешних; и город, столь щедро спланированный, не нуждался бы в такого рода зданиях, единственная экономическая цель которых - максимально использовать монополию и заторы. Например, для размещения офисных работников в районе Чикаго Луп, если бы ограничением было минимум двадцать этажей, ширина улиц должна была бы составлять 241 фут, согласно расчетам мистера Рэймонда Анвина, опубликованным в журнале Американского института архитекторов.

Нет необходимости заикливаться на том, каким образом эти упрямые, подавляющие массы отнимают у маленьких людей, которые ходят в их тени, всякое подобие человеческого достоинства; возможно, неизбежно, что одно из величайших механических достижений полностью дегуманизированной цивилизации должно, без сомнения, бессознательно, достигать этой сомнительной цели. Достаточно указать на то, что достоинства небоскреба заключаются в основном в упражнениях в технике. Они имеют очень мало общего с человеческим искусством видеть, чувствовать и жить, или с благородной архитектурной целью создания зданий, которые стимулируют и усиливают эти искусства.

Здание, которое невозможно сразу увидеть, здание, которое превращает прохожего в пылинку, которую кружат и треплют ветры уличного движения, здание, в интерьере которого нет ни изящества, ни совершенства, за исключением превосходных туалетов, — в каком смысле такое здание является великим произведением архитектуры или как сама манера его постройки может создать великий стиль? С таким же успехом можно было бы сказать, вслед за Робертом Дейлом Оуэном, что бруммагемская готика Смитсоновского института была возвращением к органической архитектуре. Подумайте, какие болезненные усилия по внутренней отделке необходимы, прежде чем квартира-небоскреб сможет вернуть себе увядший аромат домашнего очага. Действительно, не нужно быть очень проницательным, чтобы увидеть, что через короткое время мы снова вернемся к интерьерам, относящимся к периоду оттоманки и тому подобного, чтобы восстановить домашнее ощущение комфорта и эстетической легкости в потрошенной структуре современной несгораемой квартиры. Что в основном отличает нашу современную американскую работу в этом направлении от работ сомнительной репутации восьмидесятых, так это то, что более ранние архитекторы осознавали свою пустоту и пытались лихорадочно скрыть это, в то время как наши современники не считают пустоту серьезным упущением и склонны хвастаться этим.

Конечно, в каком-то смысле эти современные колоссы выражают нашу цивилизацию. Однако считать это важным или прекрасным фактом - романтическая идея. Наши трущобы также выражают нашу цивилизацию, а наши мусорные кучи несут проповеди, которые скрывают наши камни. Единственное выражение, которое действительно имеет значение в архитектуре, - это то, что прямым и позитивным образом способствует хорошей жизни: вот почему в квадратном футе старой деревни Новой Англии так много красоты, и так мало, кроме простой живописности, в современном мегаполисе. Здание стоит или рушится, даже как чистое произведение искусства, благодаря своему справедливому отношению к окружающему его городу. Без ощущения масштаба — а небоскреб разрушил наше ощущение масштаба — эффект любого отдельного здания сводится на нет.

V

Провинции, в которых механическая архитектура была по-настоящему успешной, - это те, в которых не было общепринятых прецедентов и в которых конструкция достигла ощущения абсолютной формы благодаря сочувственному соблюдению ограничений материала и функциональности. Точно так же, как мост подытожил все лучшее, что было в раннем индустриализме, так и современная станция метро, современная столовая, современная фабрика и ее образовательный аналог, современная школа, часто отливались по формам, которые делали их заметными эстетическими достижениями. В аристотелевском смысле каждая цель содержит неотъемлемую форму; и вполне естественно, что разумно задуманная фабрика, столовая или элеватор должны стать структурой, совершенно отличной во всех аспектах от прецедентов, которые поддерживаются в школах.

Было бы проявлением дерзкого эстетического фанатизма отрицать эстетические ценности, которые проистекают из машин: чистые поверхности, четкие линии, выверенное совершенство, ставшее возможным благодаря машине, несут в себе красоту, совершенно отличную от красоты ручной работы, — но часто это красота. Наша новая чувствительность к формам полезных предметов и чисто утилитарных структур - отличный признак; и неудивительно, что эта чувствительность впервые возникла у художников. Многие из наших электростанций величественны; многие из наших современных заводов чисты, гибки и умны, спроектированы с безошибочной логикой и мастерством. Расположенные рядом со зданиями, в которых архитектор прославил свою собственную особенность или потворствовал ритуалу демонстративного расточительства, наши промышленные предприятия, по крайней мере, отличаются честностью и искренностью, а также внутренней гармонией формы и функции. Однако в этих достоинствах нет ничего особенного для машинной технологии, поскольку современная фабрика разделяет их со старой мельницей в Новой Англии, современный элеватор - с пенсильванским амбаром, пароход - с клипером, а самолетный ангар - с замком.

Ошибка в отношении этих новых форм построения заключается в попытке универсализировать сам процесс или форму, вместо того чтобы пытаться универсализировать научный дух, в котором они были задуманы. Проект жилого дома, который игнорирует все, кроме физических потребностей жильцов, является продуктом ограниченной концепции науки, которая ограничивается физикой и механикой и пренебрегает биологией, психологией и социологией. Если было плохой эстетикой проектировать стальные каркасы, украшенные железными рогами изобилия и цветами, то не менее плохой эстетикой является проектирование домов так, как будто младенцы вылупляются из инкубаторов, и как будто колеса, а не любовь и голод заставляют мир вращаться. Во время первого движения индустриализма именно жалкая логическая ошибка искалечила и исковеркала новые достижения технологии; сегодня нас преследует плутоническая логическая ошибка, которая превращает все живое, к чему прикасается, в металл.

Отдавая строгую справедливость нашему лучшему типу механической архитектуры, я должен указать, что ошибка механологов прямо противоположна ошибке академий. Слабостью традиционной архитектуры в школах девятнадцатого века был тот факт, что она применима только к ограниченной провинции: мы знали, на что будут похожи ортодоксальный дворец или почтовое отделение, и мы даже видели их грешные подобию в многоквартирных домах и витринах магазинов; но никто никогда не осмеливался представить, на что будет похожа

фабрика изящных искусств; а такой подход к ней, как к гончарному заводу в Ламбете, только делал возможность более сомнительной. Слабость наших традиционных стилей архитектуры заключалась в том, что они остановились на провинции под названием билдинг, что означало провинцию, где обычные правила эстетической благопристойности и вежливости были полностью отброшены из-за отсутствия прецедента.

Модернист прав, говоря, что массив зданий должен говорить на одном языке; ему следует попытаться последовать за мистером Луисом Салливаном в его поисках “правила настолько широкого, чтобы не допускать исключений”. Однако модернист приходит в замешательство при рассмотрении *словаря* современных форм, грубые элементы которых представлены на наших фабриках, небоскребах и элеваторах, как в любом смысле эквивалента их творческого выражения. Пока что наша механическая архитектура - это своего рода структурный эсперанто: у нее есть словарь без литературы, и когда она выходит за рамки элементов своей грамматики, она может только плохо переводить на свой собственный язык благородные поэмы и эпосы, которые оставили после себя римляне, греки и средневековые строители.

Лидеры модернизма на самом деле не совершают ошибки, которую совершили некоторые из их почитателей: увеселительные павильоны и отели мистера Фрэнка Ллойда Райта не похожи ни на фабрики, ни на гаражи, ни на элеваторы: возможно, они отражают те же тенденции, но делают это в отношении совершенно другого набора человеческих целей. В одной важной характеристике стиль мистера Райта повернулся спиной ко всему миру инженерного искусства: в то время как стальная клетка подходит для вертикального небоскреба, проекты мистера Райта - это сами порождения прерий, с их низкими горизонтальными линиями, плоскими крышами, и в то же время они бросают вызов нейтральному серому, черному или красному инженерному сооружению своими цветами и орнаментом.

Таким образом, лучшая современная работа предполагает не просто уважение к машине: она уважает людей, которые ею пользуются. Это низшие художники и архитекторы, неспособные контролировать и формировать продукты машины, прославили ее во всей ее наготе, подобно тому, как продюсер музыкальных комедий в подобном настроении беспомощного преклонения “прославил” американскую девушку — как будто в этом нуждалась либо машина, либо девушка.

Подлинным несчастьем Америки было то, что, как с горечью отметил мистер Салливан в "Автобиографии идеи", рост империализма препятствовал развитию созвучного современного стиля. В Европе, особенно в Финляндии, Германии и Нидерландах, лучшие американские работы были оценены по достоинству и, как это часто бывает, преувеличены; так что эстетическая оценка машины была перенесена через Атлантику и вернулась обратно, во многом таким же образом, как индивидуализм Эмерсона был преобразован Ницше и стал мистической доктриной Сверхчеловека. Некоторые результаты этого движения интересны и обоснованны: например, работы голландских архитекторов в садовых пригородах Амстердама: но что радует в этих новых композициях, так это не механическая строгость форм, а игривость духа — это хорошая архитектура именно потому, что это нечто большее, чем просто инженерия. За исключением нескольких хороших прецедентов, наша механическая работа в Америке не отражает эту жизнеспособность. Машина поставила на нас печать, а мы никак не отреагировали.

Более того, при строительстве отдельных домов в городе и его пригородах, где требования к механической эффективности не столь жесткие, как в офисных зданиях, машинный процесс

привел к сужению сферы индивидуального вкуса и индивидуальности. Дизайнер, будь то архитектор, владелец или действующий подрядчик, работает в рамках традиций, значение которых лежит за его пределами. За пределами этой механической традиции у нас было много примеров хорошей индивидуальной работы, таких как каменные дома, возведенные вокруг Филадельфии, и более или менее местные дома из цемента и самана в Нью-Мексико и Калифорнии: но большая масса современных домов больше не предназначена для какого-то определенного места и каких-то определенных жильцов: они производятся для слепого рынка. Доски обрезаются по длине на лесопилке, кровля изготавливается на кровельном заводе, оконные рамы вырезаются по стандартным размерам и собираются на каркасном заводе, балюстрада делается на токарном станке, сама внутренняя фурнитура, такая как фарфоровые шкафы и сундуки, изготавливается на отдаленном заводе по одному из дюжины образцов, установленных и приведенных в каталоге. Работа строительного рабочего сводится к простой сборке деталей; и, за исключением более дорогих видов работ, архитектор практически исключен. Очаровательный дизайн, созданный европейскими модернистами, свидетельствует о силе их давних архитектурных традиций даже перед лицом машин; правда в том, что они соответствуют нашим современным методам домостроения едва ли лучше, чем хижины с соломенной крышей из глины и прутьев. Немезида механизма в том, что он неумолимо устраняет архитектора — даже того, кто боготворит его достижения!

Так много деталей здания создается по заводским стандартам и образцам, что даже у самого заказчика очень мало возможностей для реализации своих импульсов при проектировании или выполнении работ; поскольку каждое отклонение от стандартного дизайна сопряжено с дополнительными расходами. Фактически, единственная возможность выразить свой вкус и индивидуальность заключается в выборе способа постройки дома: он должен найти свои требования в Италии, Колониальной Америке, Франции, Англии эпохи Тюдоров или Испании — горе ему, если он захочет найти их в Америке двадцатого века! Таким образом, машинный процесс создал стандартизированную концепцию стиля: сам по себе он может изобрести новый стиль не больше, чем мумия может произвести на свет детей. Если кто-то желает дом из красного кирпича, он будет георгианским или колониальным; то есть отделка будет белой, деревянные элементы будут иметь классическую лепнину, а электрические светильники будут представлять собой псевдосвечники из посеребренного металла. Если кто-то строит оштукатуренный дом, то по аналогичным механическим канонам он обречен на довольно тяжелую мебель в формах раннего Возрождения, должным образом воспроизведенную мебельщиками Гранд-Рapidса — и так далее. Идея американского оштукатуренного дома настолько чужда концепции машинного производства, что только очень бедные и очень богатые могут себе это позволить. Нужно ли мне добавлять, что колониальное или итальянское, когда оно срывается с уст “риэлтора”, не имеет ничего общего с подлинной колониальной или итальянской работой?

Коммерческая концентрация и национальный рынок растрачивают ресурсы из-за пренебрежения, как в случае с лесами Аппалачей они растратили их путем разграбления. Стандартизированные материалы, узоры, планы и фасады — вот составляющие архитектуры машинного века: избегая ее, мы получаем наши внешне оживленные пригороды; принимая ее, мы получаем те огромные акры неопишемого однообразия, которые, называйте их Западной Филадельфией, или Лонг-Айленд-Сити, или как вам угодно, являются всего лишь анонимными районами Коктауна. Главное, что необходимо для полного наслаждения этой архитектурой, — это стандартизированные люди. Здесь наши различные учебные заведения, от рекламных колонок

пятицентового журнала до высших учебных заведений, от кино до радио, возможно, не совсем подвели архитектора.

Промышленный дом расположен посреди промышленной среды. Качество этого окружения требует скорее сатиры, чем описания; и все же простой каталог его деталей, такой, какой дал мистер Синклер Льюис в "Бэббите", сам по себе является почти сатирой. В этой среде домимеет тенденцию все больше и больше занимать последнее место: мистер Генри Райт фактически с юмором предположил, что при нынешнем растущем соотношении затрат на участок - дороги, канализацию и так далее - к затратам на жилье сам дом исчезнет в пользу первого пункта к 1970 году. Пророческим символом этого события является тенденция автомобиля и гаража-храма брать верх над домом. Эти инкубы уже начали занимать последний оставшийся клочок пространства вокруг загородного дома, где еще поколение назад был небольшой сад, качели для детей, горка с песком и, возможно, несколько фруктовых деревьев.

Конец цивилизации, которая рассматривает здания просто как машины, заключается в том, что она рассматривает людей просто как обслуживающий персонал машин: следовательно, это расстраивает или отвлекает более жизненно важные импульсы, которые могли бы привести к культуре земли или разумной заботе о молодежи. Слепо бунтуя, люди мстят самим себе за собственные ошибки: поэтому современный механизированный дом с его светлой ванной комнатой, элегантной печью, изящной системой удаления мусора становится все более и более предметом, от которого хочется убежать. Настоящее оправдание вездесущего гаража заключается в том, что в механизированной среде метро и домашних машин должны быть оставлены открытыми какие-то пути спасения и компенсации. Какой бы неприятной ни была воскресная поездка на автомобиле по переполненным магистралям, ведущим из большого города, это на один градус лучше, чем оставаться в районе, непригодном для постоянного проживания человека. Спрос на спасительную грацию среди всех этих холодных коммерческих совершенств настолько велик, что ремеслу снова покровительствуют в манере, которая удивила бы Рескина, а более смелые дизайнеры интерьеров быстро восстанавливают сентиментальность в стеклянных и восковых цветах, которыми была отмечена викторианская эпоха. Это прекрасный комментарий к великим достижениям современной промышленности и науки; но, возможно, лучше, чтобы люди были глупыми, чем чтобы они были полностью дегуманизированы.

Архитектура других цивилизаций иногда была жестокой эмблемой воина, как у ассирийцев: архитектура наших дней в Америке осталась неизменной, стереотипной и пустой, как мозг робота. Эпоха машин создала архитектуру, пригодную только для токарных станков и динамо-машин: неполноценные и пристрастные в наших научных приложениях, мы забыли, что существует наука о человечестве, а также наука о материальных вещах. Здания, которые не соответствуют этому общему описанию, являются либо аристократическими реликвиями эпохи ремесла, которыми пользовались только богатые, либо это беглые попытки дешево имитировать способы и жесты ремесленничества.

Мы пытались жить за счет машин, но хозяин сожрал нас. Пора нам перестать играть в паразитов: пора нам оглядеться вокруг, посмотреть, какие у нас есть средства для того, чтобы снова стать мужчинами. Перспективы архитектуры неотделимы от перспектив общества. Если человек создан, как гласят легенды, по образу и подобию богов, то его здания построены по образу и подобию его собственного разума и институтов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ АРХИТЕКТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я

В ходе этого обзора мы увидели, как архитектура и цивилизация развиваются рука об руку: характерные здания каждого периода являются памятниками их самым дорогим институтам. Основная структура сообщества — дом, место встречи, рабочее место — остается; но оболочка меняется и проходит, как и сама цивилизация, когда новые материалы, новые методы работы, новые идеи, привычки и способы восприятия вступают в свои права.

Если такая интерпретация роли архитектуры справедлива, то мало смысла обсуждать потребности и обещания архитектуры без соотнесения самой оболочки с информирующими изменениями, которые могут произойти, а могут и не произойти в жизни самого сообщества. Воображать, что любое повсеместное улучшение архитектуры зависит главным образом от архитекторов, — эстетическое заблуждение: на бесплодной почве самые плодородные гении лишены возможности полноценно развиваться. У нас не было недостатка в смелых и оригинальных архитекторах, от Латруба до Луиса Х. Салливана; у нас также не было недостатка в людях больших способностей, от Томаса Джефферсона до Бертрама Гудхью; и все же у нас не было недостатка в людях, которые стояли вне течений своего времени и сохраняли свою собственную позицию, от Ричардсона до доктора Крама. Имея в своем распоряжении все эти возможности, наши лучшие усилия в строительстве остаются хаотичными, недисциплинированными и рассеянными — отражение накопленной нами цивилизации.

Наше архитектурное развитие связано с ходом развития нашей цивилизации: это прописная истина. В той мере, в какой мы позволяем нашим учреждениям и организациям функционировать вслепую, как заправлена наша кровать, так и мы должны на ней лежать; и хотя мы, тем не менее, можем создавать изолированные здания, представляющие большой эстетический интерес, такие как Messrs. Пристройки Крэма и Гудхью к Вест-Пойнту, как и Шелтон, как и сотня загородных поместий, на матрицу нашего физического сообщества не повлияет существование отдельных драгоценностей; и большинство наших зданий не просто будут находиться за пределами компетенции архитектурной профессии — они будут продуктом умов, по большей части не затронутых гуманными стандартами. Иногда случайный результат будет хорошим, как это иногда случалось с нашими небоскребами, фабриками и элеваторами; но архитектура, которая должна зависеть от случайных результатов, — это не совсем триумф воображения, еще меньше это триумф точной технологии.

Оглядываясь назад на завершившуюся драму, удобно рассматривать наше сообщество и наших строителей как созданий своего окружения: как только их выбор сделан, он кажется неизбежным. По этой причине даже помпезность императорских архитекторов может быть оправдана, поскольку сам голос и жест того периода, который они завершили. Однако, заглядывая вперед, мы видим, что эта удобная фикция неизбежности больше не пригодна: мы находимся в царстве случайностей и выбора; и в любой момент может появиться новый фактор, который глубоко изменит экономическую и социальную жизнь сообщества. Великая война в

Европе, революция в России, распространение автомобильного транспорта в Америке, идея отказа от сотрудничества в Индии — я выбираю их наугад как вопросы, которые на протяжении жизни последнего поколения глубоко изменили непрекращающийся “ход событий”.

Будущее нашей цивилизации зависит от нашей способности отбирать наследие прошлого и контролировать его, изменять наши нынешние установки и привычки и проецировать новые формы, в которые наша энергия может свободно изливаться. От нашей способности заново вводить старые элементы, как гуманисты позднего Средневековья вернули классическую литературу и открыли римские памятники, или вводить новые элементы, как изобретатели и инженеры прошлого века внесли в физическую науку и станкостроение, зависит наше положение как творцов. За последнее столетие наше положение изменилось с положения создателей машин на положение созданий машинной системы; и, возможно, настало время изобрести новые элементы, которые еще раз изменят более глубокие контуры нашей цивилизации.

К несчастью для нашего комфорта и душевного спокойствия, любое реальное изменение в нашей цивилизации зависит от гораздо более сложных и гораздо более радикальных мер, чем когда-либо принятые старомодными реформаторами, которые стремились изменить взгляды или распределение доходов; и будет мало пользы говорить о “грядущем возрождении”, если у нас не будет смутного представления о том, что за существо должно родиться свыше. Мне кажется, наша трудность связана с тем фактом, что гуманитарные науки отстали от физических; и до настоящего времени наши благие намерения терпели крах из-за отсутствия необходимых инструментов анализа. Однако может быть полезно и забавно посмотреть, что мы можем сделать в этом отделе с помощью инструментов, которые уже есть под рукой.

В каждом сообществе, как впервые указал Фредерик Ле Плей, есть три элемента: место, работа и люди; социологический эквивалент окружающей среды, функции и организма. Благодаря взаимодействию народа и его места жительства, благодаря работе развивается простая жизнь сообщества. В то же время каждый из этих элементов несет в себе свое особое духовное наследие. У людей есть свои обычаи, манеры, мораль и законы; или, как мы могли бы сказать более кратко, свои институты; у работы есть своя технология, свой опыт ремесла, от простых знаний крестьянина и заводчика до сложных формул современных химиков и металлургов; в то время как более глубокое восприятие “места” через анализ падающего камня, восходящего солнца, текущей воды, разлагающейся растительности и живых животных порождает традицию “обучения” и науки.

Имея в виду этот простой план, процесс, создавший нашу нынешнюю механическую цивилизацию, становится немного более понятным; и мы, возможно, сможем оценить трудности, стоящие на пути любого быстрого и легкого преобразования.

Таким образом, наш нынешний порядок был обусловлен комплексными изменениями во всех аспектах общества: морально это был протестантизм; юридически - возникновение представительного правительства; социально — введение “демократии”; в обычаях - общий распад семейной ячейки; в промышленном плане это означало крах гильдий и рост фабричной системы; в научном плане - распространение физических наук и расширение знаний о земном шаре - и так далее.

Каждый из этих аспектов жизни сообщества был объектом отдельного внимания и усилий, но именно их совокупность породила современный порядок. Там, где — среди прочих причин — моральная подготовка к механической цивилизации была неполной, как в католических странах, промышленная революция также была запоздалой и незавершенной; там, где ремесленные традиции оставались сильными, как в буковых лесах Чилтернса, промышленные изменения меньше повлияли на привычки общества, чем, скажем, в Ланкашире, где современная промышленность была нетронутой и не встречала сопротивления.

Если мы хотим изменить обстоятельства, препятствующие нашей архитектуре, недостаточно, вместе с мистером Луисом Салливаном, сказать, что мы должны принять и возвести на трон добродетели демократии; еще меньше смысла в попытке Образовательного комитета Американского института архитекторов воспитать общественный вкус в искусстве. Нет никакого подлинного эстетического спасения и в требовании модернистов, чтобы мы более искренне относились к машине. Наша архитектура была полна фальстартов и невыполненных обещаний именно потому, что почва не была достаточно обработана заранее, чтобы получить новые семена.

Если мы хотим иметь прекрасную архитектуру, мы должны начать с другого конца, с того, с чего начинаются наши роскошно иллюстрированные журналы по домостроению и архитектуре, — не с самого здания, а со всего комплекса, из которого исходят архитектор, строитель и меценат, и в который встроено готовое здание, будь то коттедж или небоскреб. Как только созреют условия для хорошей архитектуры, растение зацветет само по себе: так было в средние века, о чем до сих пор свидетельствуют сотни маленьких городков и деревень между Будапештом и Гластонбери; так было и на ограниченной территории, на пике Возрождения; и сегодня оно пышно расцветает в городах-садах Англии, Нидерландов и стран Балтии. Представление о том, что наша архитектура будет улучшена благодаря курсам повышения квалификации в наших музеях и колледжах, является, мягко говоря, одним из декадентских обманов снобизма. Таким образом растут только бумажные цветы.

II

Чтобы сориентироваться, мы выделим один за другим основные элементы нашего цивилизационного наследия в Соединенных Штатах и рассмотрим их по отдельности. Однако это опасное удобство, и я должен подчеркнуть, что эти нити тесно переплетены. Разделить их можно только в мыслях. Никто никогда не сталкивался с человеком, кроме как на земле; никто никогда не видел землю, кроме как глазами человека. Нет логического приоритета в месте, работе и людях. Обсуждая сообщество, человек либо рассматривает его в целом, либо его обсуждение является неполным и ошибочным.

III

Главным признаком первых поселений за берегом моря были поляны; и поскольку подавляющее большинство пришельцев жили сельским хозяйством, сам лес казался просто препятствием, которое необходимо было устранить. Нетронутые леса Америки были слишком пышными и щедрыми, и если случайному Кожаному Чулку они нравились, то новому поселенцу оставалось только расчищать землю и сжигать дрова. В деревне Новой Англии культурные традиции, возможно, были применены к самой земле, и в других местах время от времени встречаются элементы хорошей практики в упорядоченной опрятности каменных оград. Однако

по большей части преднамеренное уничтожение природного ландшафта стало великим национальным спортом, сравнимым с истреблением бизонов, которому позже посвятил себя случайный западный путешественник.

Вырубка аппалачских лесов была первым шагом в нашей кампании против природы. К 1860 году эффект был уже достаточно серьезным, чтобы предупредить проницательного наблюдателя, такого как Джордж Перкинс Марш, об опасности для нашей цивилизации и побудить его в книге "Земля и человек" напомнить своим соотечественникам, что другие цивилизации Средиземноморья и Адриатики потеряли свой верхний слой почвы и разрушили свое сельское хозяйство из-за бессмысленного уничтожения их лесов.

Тем временем появился новый фактор. Если до девятнадцатого века мы расчищали лес, чтобы освободить место для фермы, то с приходом индустриального пионера мы начали расчищать ферму, чтобы разбить город. Мы называли этот процесс заселением Америки, но это название ненормально, поскольку у нас сформировалась привычка использовать землю не как дом, постоянное очаг культуры, а как средство для чего-то другого - главным образом как средство получения временных преимуществ от прибыльной спекуляции и эксплуатации.

Джеймс Маккей, благотворительный шотландский обозреватель середины девятнадцатого века, объяснял наше пренебрежение к земле тем фактом, что мы привязываем свои привязанности к институтам, а не к местам, и нас не волнует, как будет уничтожен ландшафт, пока мы живем под одним флагом и пользуемся одними и теми же формами правления. Несомненно, в этом наблюдении есть доля правды; но причиной такого поведения была не просто наша привязанность к республиканскому правительству: возможно, в еще большей степени это было связано с нашим отвращением к устоявшейся жизни. Первопроходец, выражаясь вульгарно, был на подъеме; для него не имело значения, как он обращался с землей, поскольку к тому времени, когда он смог осознать ее недостатки, он уже сбежал на новую девственную территорию. "Что сделали для него потомки?"

Первопроходцы, которые повернулись спиной к цивилизованному образу жизни, чтобы расширить границы цивилизации, оставили нам тяжелое бремя — не просто разрушенные и беспорядочные пейзажи, но и привычку терпеть и создавать разрушенные и беспорядочные пейзажи. Как указал Коббетт в своей попытке объяснить неухоженное состояние американских ферм, фермеру в этой стране не хватало примера больших земельных владений, где леса превратились в ухоженные парки, а луга - в газоны. Без этого примера культуры в стране неудивительно, что наши города были замусорены, обтрепаны по краям, уродливы; неудивительно, что на наших тротуарах так быстро исчезают деревья и трава; неудивительно, что от стольких городов остались лишь прорехи из металла и камня.

Те, кто вырос на этой земле, не принесли в город ни капли той дисциплинированной заботы, которая могла бы сохранить некоторые из его удобств. Они оставили дым с полян, который был признаком сельского "прогресса"; они приветствовали дым городов и все, что ему сопутствовало.

Вряд ли будет парадоксом сказать, что благоустройство наших городов должно происходить изнутри сельской местности; ибо в значительной степени это вопрос обращения вспять процесса, который превращает фермы в зарождающиеся кварталы недвижимости. Как только

мы усвоим идею о том, что почва и участок могут использоваться совершенно отдельно от продажи, мы не будем продолжать их варварствовать и растрачивать впустую. Подумайте о том, как застраивалась прибрежная зона нижнего Манхэттена без малейшего учета его потенциальных возможностей для отдыха; как Акрополю Питтсбурга, Горбу, было позволено превратиться в зловонные трущобы; как уникальная красота залива Каско была частично обеспечена только неполноценностью Портленда как центра судоходства. Действительно, по всей стране можно найти тысячи примеров неуместного размещения городов, превращения зон отдыха в заводские площадки, предприятий, расположенных без разумной привязки к сырью, энергии, рынкам или людям, которые их обслуживают, сельскохозяйственных угодий, преждевременно превращаемых в пригородные участки, и небольших сельских сообществ, нуждающихся во вливании новых отраслей промышленности и предприятий, вымирающих, в то время как мегаполис менее чем в пятидесяти милях от них продолжает поглощать все больше людей, которые ежедневно платят высокую цену за свою перегруженность.

Я уже обращал внимание на ненужное использование местных материалов в связи с нашим производством зданий, концентрацией рынков и стандартизацией стилей. Очевидно, что нашим архитекторам не пришлось бы так мучительно беспокоиться о последних модных архитектурных хитростях, если бы у них была возможность более последовательно работать с подручными материалами, используя кирпич там, где глина была в изобилии, камень там, где он был хорошего качества, и цемент там, где бетон адаптировался к местным потребностям — как это хорошо получается вблизи морского побережья и, по другой причине, на юге. Древесина, один из наших важнейших материалов как для экстерьера, так и для интерьера, пострадала от прямо противоположного пренебрежения: наши апалачские леса настолько полностью вырублены, а стоимость транспортировки на дальние расстояния с тихоокеанского побережья настолько высока, что хорошее жилье на востоке в немалой степени зависит от нашей способности обеспечивать непрерывные местные поставки древесины по всему региону Аппалачей.

(Для нашей механической и столичной цивилизации характерно, что одним из главных источников отходов деревообработки являются столичные газеты: и одно из отдаленных преимуществ более устойчивого регионального развития заключается в том, что это, возможно, избавило бы от ежечасной потребности в рекламных листках и к тому же обеспечило бы большое количество древесины для строительства жилья, не требуя уничтожения десяти акров ели только для воскресного выпуска! Я предоставляю читателю привилегию проследить приятные последствия этого понятия.)

Увидеть взаимозависимость города и страны, осознать, что рост и концентрация одного связаны с истощением другого, оценить, что между ними существует справедливый и гармоничный баланс — этой способности нам не хватало. Прежде чем мы сможем хорошо строить в любом масштабе, нам, как мне кажется, придется развить искусство регионального планирования, искусство, которое свяжет город и сельскую местность по новому образцу, отличному от того, что было слепым творением промышленного и территориального первопроходца. Вместо того чтобы рассматривать сельскую местность как крупную, обреченную в конечном итоге пойти на мельницу мегаполиса, мы должны планировать сохранение и развитие всех наших природных ресурсов до предела.

Само собой разумеется, что любая подлинная попытка обеспечить социальное и экономическое обновление региона не может быть ограничена сохранением принадлежащих ему ценностей на землю, прав собственности и привилегий; действительно, если мы хотим, чтобы землю снова любили и о ней заботились, мы должны вернуть ее в чем-то большем, чем просто название. Главное возражение против сохранения наших природных ресурсов в руках общества, а именно то, что частный капитал более ревностно эксплуатирует их, как раз и является причиной того, что мы настаиваем на первом варианте. Наша земля пострадала от усердия в эксплуатации; и было бы гораздо лучше, например, чтобы наши водные энергетические ресурсы оставались временно неосвоенными, чем чтобы они безостановочно использовались частными корпорациями для концентрации населения в центрах, где может взиматься высокий тариф. Количество дел, которые еще предстоит выполнить — посадка городских лесов, коммунальное восстановление берегов рек и пляжей, превращение голых дорог в бульвары, — конечно, будет разным в каждом регионе и населенном пункте; и моя цель здесь — лишь указать на общую цель.

Начало подлинного регионального планирования уже положено в Онтарио, Канада, где социальное использование водных ресурсов принесло непосредственную пользу сельским общинам и дало им возможность жить независимой жизнью. В Соединенных Штатах г-н Бентон Маккей набросал смелый и фундаментальный план объединения развития рекреационной тропы для позвоночника с развитием электроснабжения всего региона Аппалачи вдоль риджуэй; и тропа, и электроэнергия используются в качестве основы для повторного облесения и повторного заселения всей нагорной области с соответствующей децентрализацией и депопуляцией перенаселенного, пятнистого прибрежного региона. Такая схема потребовала бы довольно основательного изменения ценностей метрополии; и если она продвигается медленно, то это только потому, что ее постепенное внедрение означало бы начало новой эпохи в американской цивилизации. В настоящее время трудно понять, насколько осязаемыми могут быть эти новые надежды и проекты: важно, однако, что Комиссия по жилищному строительству и региональному планированию штата Нью-Йорк была вызвана к существованию необходимостью найти выход из запутанной ситуации в нашем мегаполисе; и вполне возможно, что новая ориентация во власти и культуре уже близка.

В расплывчатой, непоследовательной форме цели регионального планирования решались природоохранным движением в течение последнего столетия; и если само искусство не имеет ни накопленного опыта, ни устоявшихся практиков, это означает только то, что оно, так сказать, пробилось сквозь поверхность в ряде мест и что его еще предстоит собрать и разумно использовать. Когда региональное планирование начнет свою активную деятельность, оно позаботится о создании новой структуры для наших сообществ, которая перераспределит население и промышленность и рекультивирует окружающую среду, заменив лесное хозяйство добычей древесины, стабильное сельское хозяйство добычей почвы и, в целом, привычку обрабатывать и сохранять землю вместо нашей традиционной американской практики разведения и лишения девственности. Исторически архитектура зарождается, когда “бауэр”, который сажает, становится “Бауэром”, который строит; и если наша архитектура должна иметь прочную основу, то, возможно, мы найдем ее в обновленной сельской местности.

IV

Теперь обратимся к промышленности. Средневековый порядок в Америке был разрушен до того, как он смог полностью укорениться. В результате у нас нет ремесленных традиций, которые были бы по-настоящему местными, за исключением кораблестроителей и мебельщиков Новой Англии, чье искусство пошло на убыль со второй четверти девятнадцатого века. Мы восполняем этот недостаток, импортируя из поколения в поколение иностранных рабочих, в основном немцев и итальянцев, на родине которых искусство работы с деревом и камнем не было полностью утрачено; но мы все еще далеки от создания собственной независимой ремесленной традиции. Если искусство - это прекрасный цветок оседлой жизни, то изобретательство - это необходимость странствующего первопроходца, который каждый день сталкивается с новыми трудностями и новыми опасностями; и соответственно, мы посвятили нашу энергию машине и продуктам машины. Все, что мы не можем сделать в этой среде, мы рассматриваем как "простое" искусство и отделяем его от прямых целей и практик повседневной жизни.

Наше умение работать по точным формулам с машинами и прецизионными инструментами не следует принижать: социально ориентированное это положило бы конец сотням скучных рутинных работ и, возможно, придало бы всепроникающую завершенность стилю конструкциям, части которых сейчас странным образом состоят из шестерок и семерок. К несчастью для нас и для мира в целом, машина появилась не просто как технологический вклад: она появилась, когда гильдия распалась и когда акционерное общество начало свою пиратскую деятельность как Компания джентльменов-авантюристов. В результате нашему веку механики придали антисоциальный оттенок; и изобретения, которые должны были работать на благо общества, были использованы для финансового усиления инвесторов и монополизаторов. В архитектуре все мастерство технолога и весь вкус художника стали подчинены стремлению финансиста к быстрому обороту капитала, а землевладельца - к максимальной эксплуатации земли. Единственный шанс получить хорошую работу появляется тогда, когда по счастливой случайности личности или ситуации покровитель просит от архитектора и инженера только лучшее, что они могут дать.

Будет большим преувеличением сказать, что сегодня здание - это один из видов промышленного продукта на прилавке с промышленными продуктами; но с некоторым отличием; поскольку внутренние процессы строительства по-прежнему, несмотря на все наши достижения, являются ремеслом. Интересный результат, как указал г-н Ф. Л. Аккерман, вытекает из этого факта, а именно: темпы строительства имеют тенденцию отставать от темпов производства других товаров в рамках машинной системы; и если это так, то количественное производство зданий неизбежно будет слишком низким, в то время как их стоимость при том же процессе будет непропорционально высокой.

Решение, к которому прибегает инженер, как я уже указывал, заключается в внедрении процесса стандартизации и механизации везде, где это возможно. Это ускоряет темпы строительства и, в общем и целом, ускоряет скорость износа построенного объекта: оба процесса увеличивают оборот зданий и, таким образом, приводят строительное искусство к приближению к ритму, установленному нашей системой цен для других механических искусств; поскольку в соответствии с системой цен производитель должен создавать постоянный спрос на свою продукцию или рискует затопить рынок. Есть два способа создать спрос - расширить

зону продажи или увеличить уровень потребления. Некачественные материалы и некачественная работа - наиболее очевидные средства достижения второй цели; но мода играет серьезную роль, и неадаптация к использованию, хотя и отмечаемая реже, не может быть проигнорирована.

Все эти мелкие аномалии и неудобства возникли вместе с машинами, конечно, не потому, что машины по своей сути расточительны и мошенничают, а потому, что наш социальный порядок не был приспособлен к их использованию. Наши достижения были сведены на нет по той причине, что огромное расширение наших производительных сил потребовало столь же огромного расширения наших процессов потребления. Следовательно, во многих отраслях строительства преимущество машин было почти сведено к нулю; и если ремесло было вытеснено, то не столько потому, что оно неэффективно, сколько потому, что темпы производства и потребления в условиях кустарного производства сильно замедлились.

Когда Рескин начал агитировать за возрождение ремесел, казалось, что наша промышленная система обречена восторжествовать повсюду, и как будто протест Рескина был последним слабым проблеском романтизма. Однако в настоящее время проблема не так проста, как казалось строителям "Кристал Пэлс", и выбор не так узок. То, что казалось мимолетной философией применительно к машине самой по себе, оказалось строгой и разумной критикой применительно к машинной системе. Использование машин в провинциях, где это не имеет существенного значения, сеть взаимоотношений, которые последовали за финансовой эксплуатацией машин, — все это привело к восстанию, в котором приняли участие сами инженеры. Мы начинаем понимать, что стандартизацию вызывает не только оборудование, но и национальный рынок; не машины делают наши дешевые дома пустыми и анонимными, а отсутствие каких—либо опосредующих отношений между пользователем и проектировщиком - за исключением личности застройщика, который строит для продажи.

Помимо этого, в некоторых отраслях промышленности, таких как деревообработка и изготовление мебели, внедрение бензинового двигателя и электродвигателя вернуло центр тяжести на небольшую фабрику, расположенную в сельской местности, и на отдельного мастера или группу, работающих в небольшом цехе. Профессор Патрик Геддес охарактеризовал переход от пара к электричеству как переход от палеотехники к неотехнике; а гении-технологи-интуиты, такие как мистер Генри Форд, быстро разглядели возможности маленьких фабрик, расположенных посреди сельской местности. С механической точки зрения, электродвигатель в определенных отраслях промышленности и операциях поставил отдельного работника в один ряд с заводом с несколькими машинами, даже несмотря на то, что автомобильный транспорт снижает преимущества большого города перед маленьким городком или деревней. Поэтому вполне разумно ожидать продолжения этого развития, которое позволит группам строительных рабочих обслуживать свой непосредственный регион столь же экономично, как это сделали бы многочисленные национальные фабрики, производящие товары вслепую для слепого национального рынка. Благодаря прямой продаже и обслуживанию на местных лесопильных заводах и в местных мебельных мастерских старые изделия ручной работы сами по себе могут вернуться через черный ход - как, собственно, они уже начали делать в ответ на запросы богатых.

Я не предполагаю здесь, что ремесло, вероятно, заменит машины: я предполагаю непосредственную и осязаемую возможность того, что сами машины в их современных формах

могут быть пригодны для более целенаправленной системы производства, подобной той, которая была создана ремеслом; и при этом условии антагонизм и неравенство между двумя формами производства не обязательно должны быть столь велики, как в настоящее время. В небольшой долине, с которой я случайно знаком, есть достаточно проточной воды, чтобы обеспечить пять семей электрическим светом от одной электростанции; к сожалению, в штате, о котором я говорю, пять семей не могут объединиться для такой цели без франшизы на электроэнергию; и поэтому единственным источником электрического света является удаленная коммерческая электростанция, работающая на угле. Вот очевидный случай, когда коммерческая монополия противоречит экономике и когда преимущества современных технологий сводятся на нет при работе нашей финансовой системы. Как только мы поймем, что современная промышленность не обязательно влечет за собой финансовую и физическую концентрацию, я думаю, произойдет рост небольших центров и более широкое распространение подлинных преимуществ технологий.

Это правда, что движение последних ста лет было направлено в сторону от ремесла; но сто лет - это относительно короткий срок, и, по крайней мере, отчасти триумф машин произошел благодаря нашему наивному наслаждению ими как игрушкой. Существует большая разница между отказом от ручного труда, например, при распиливании дерева или поднятии груза, и отказом от ремесел с использованием станков для операций, которые могут быть тонко выполнены только вручную. В первом случае все идет на пользу: во втором, по сути, неправильно понимается значение ремесел и механизмов, и я должен на мгновение остановиться на этом моменте, поскольку он ответственен за множество некачественных представлений о будущем искусства и архитектуры.

V

Что касается человека, то главное различие, упускаемое из виду механистами, заключается в том, что машинная работа - это в основном тяжелый труд: ремесло, с другой стороны, является формой жизни. Операции механического искусства по своей сути подневольны, потому что рабочий вынужден поддерживать темп, задаваемый машиной, и следовать шаблону, установленному дизайнером, кем-то другим, кроме него самого; в то время как ремесла относительно свободны в том смысле, что они допускают определенную свободу действий при выполнении различных видов работ и различных способов их выполнения. Эти различия связаны с различием в используемых формах; и именно благодаря этим эстетическим различиям мы можем, возможно, лучше всего увидеть, как личное и механическое могут быть распределены в архитектуре будущего.

Ключ к эстетике ремесел, как мне кажется, - это своего рода жизненный излишек. Плотник не довольствуется своей обструганной поверхностью; каменщик не довольствуется гладким камнем; живописец не покрывает беспристрастно голую стену: нет, каждый рабочий должен создавать голый утилитарный объект до тех пор, пока капитель не превратится в шевелящуюся массу листвы, пока куполообразный потолок не станет вратами рая, пока каждый объект не получит отпечаток фантазий, которые созрели в голове рабочего. Мастер буквально владеет своей работой, в том смысле, в каком Библия говорит, что телом владеет знакомый дух.

Иногда эта проработка достигает той точки, когда она доставила бы созерцателю наивысшее эстетическое наслаждение; тем не менее, мастер продолжает отдавать всего себя своей работе: он должен заполнить каждое пустое место, и ему не откажут, поскольку резьба по дереву или камню, когда это делается со свободным духом, является достойным и приятным образом жизни. Те из нас, кто привык к индустриализму, иногда находят сияние и изобилие мастерства немного озадачивающими: но если наше удовольствие от порталов средневекового собора или фасада дома в Восточной Индии притупляется близорукой сложностью узора, наша оценка удовольствия и заинтересованности мастера должна быть повышена. Допуская, что искусство является самоцелью, разве оно не является самоцелью как для работника, так и для зрителя? Большая часть мастерства не нуждается ни в каком другом оправдании, кроме того, что оно несет на себе отпечаток радостного духа.

Когда мы сравниваем идеальное изделие ручной работы, например флорентийский стол шестнадцатого века, с идеальным произведением механического искусства — скажем, современной ванной комнатой, — контрастирующие достоинства и недостатки становятся очевидными. Условиями, делающими возможной качественную работу станка, являются, прежде всего, полный расчет последствий, воплощенный в рабочем чертеже или конструкции: отклоняться хоть на волосок от этого расчета — значит рисковать поломкой. Качества, присущие хорошей механической работе, естественным образом вытекают из инструментов: это точность, экономичность, отделка, геометрическое совершенство. Когда в процесс вмешивается личность рабочего, это небрежность. Если он оставляет свой отпечаток, это недостаток.

Хороший образец с точки зрения машины — это тот, который удовлетворяет самым необходимым требованиям объекта: мягкость стула, мытье раковины, замкнутость дома и любые излишества, которые могут быть добавлены в качестве украшения, являются ошибкой машинного процесса, поскольку, добавляя скучную работу к работе, которая и без того скучна, это сводит на нет цель, ради которой машины могут законно существовать в гуманном обществе, а именно производить необходимое количество полезных товаров с минимальными человеческими усилиями.

Грубо говоря, мастерство подчеркивает радость работника от производства: любой, кто предложил бы сократить количество времени и усилий, затрачиваемых резчиком по дереву или камню, фактически пытался бы сократить жизнь рабочего. Машинный труд, с другой стороны, в лучшем случае стремится уменьшить неизбежную нудность производства: любая уловка или украшение, которые увеличивают время, затрачиваемое на обслуживание машины, усугубляют физическое бремя существования. Одно является достаточной целью; другое, по закону, является лишь средством для достижения цели.

Наши современные сообщества далеки от понимания этого различия. Точно так же, как в искусстве мы множим неадекватные хромофотографии и морим голодом современного художника, так и в архитектуре значительная часть машинной работы посвящена изготовлению поддельных изделий ручной работы, таких как лепной каменный орнамент, используемый в огромных каминах эпохи Возрождения, часто предназначенных для небольших современных квартир, которые отапливаются паром. В свою очередь, выживший рабочий, который сейчас занимается ремеслом, был низведен до положения раблепного труженика, использующего свое мастерство и любовь, как и его предшественники в Императорском Риме, для копирования оригинальных произведений других художников и ремесленников. Между ремеслом, предназначенным для механического воспроизведения, и машинами, предназначенными для

воспроизведения бесконечных симулякров ремесла, наши эстетические возможности в искусстве и архитектуре снова и снова заглушаются. Случайный талантливый человек, вроде мистера Сэмюэля Йеллина, кузнеца по металлу, выживет, но большая часть мастеров - нет.

Теперь, при всем уважении к гладкости и совершенству лучшей механической обработки, мы наслаждаемся ею из-за возможности ее использования: она может случайно придать значительную форму, но ни у кого не остается бутылки для маринадов, хотя у господ. "Хайнц и Ко" такие, по этой причине: они предназначались для маринованных огурцов и исчезают вместе с ними. Это верно не только для сегодняшнего дня: это верно для всех эпох: обычная утварь возвращается в прах, тогда как те вещи, которые хранят отпечаток человеческого воображения, — амфоры греческих гончаров, хрупкие бутылки с горлышком персов, печати египтян - сохраняются на свалке, какими бы хрупкими они ни были и насколько мала их внутренняя ценность.

В человеке есть нечто такое, что заставляет его уважать человеческий отпечаток искусства: он живет более благородно, окруженный своими собственными отражениями, как мог бы жить бог. Сама ярость иконоборчества, которую демонстрировали мусульмане, пуритане и либералы восемнадцатого века, свидетельствовала о глубоком уважении к силе искусства, ибо мы уничтожаем то, что угрожает нашему существованию. Искусство, в определенном смысле, - это духовный лак, которым мы покрываем материальные вещи, чтобы обеспечить их сохранность: на самом низком уровне красота оправдана, потому что она имеет "ценность для выживания". Тот факт, что дома, несущие на себе живой отпечаток разума, незаменимы, - это то, что не позволяет им быть быстро и бездушно замененными. Церкви Рена сохранились после периода их запустения благодаря личности Рена. Этот процесс прямо противоположен тому, которому способствует машинная система, и это объясняет, почему в долгосрочной перспективе машинная работа может быть неудовлетворительной и неэкономичной - слишком быстро приходить в упадок.

Искусство, по сути, является одним из основных способов, с помощью которых мы вырываемся из порочного круга экономической деятельности. Согласно традиционному экономисту, наша экономическая жизнь состоит всего из трех фаз: производства, распределения и потребления. Мы работаем, чтобы есть, чтобы есть на работу. Это довольно точный портрет жизни в раннем промышленном городе, но он неприменим к экономическим процессам цивилизованного сообщества. Повсюду, даже в труднодоступных регионах, от производства получается нечто большее, чем текущий доход и текущие сбережения капитала: иногда это досуг и игры, иногда это религия, философия и наука, а иногда это искусство. При создании любого постоянного произведения искусства сохраняются процессы рассеивания и потребления: следовательно, единственным цивилизованным критерием экономической жизни сообщества является не количество произведенных вещей, а долговечность созданных вещей. Сообщество с низким уровнем производства и высоким уровнем созидания в долгосрочной перспективе будет физически богаче, чем современный город, в котором достижения промышленности растрачиваются на мимолетные, нетворческие расходы. Что важно, так это соотношение производства и созидания.

В этом заключается оправдание современного архитектора. Хотя он и отрезан от реальных процессов строительства, он, тем не менее, остается единственным выжившим мастером, который сохраняет отношение ко всей конструкции в целом, которым пользовались старые

ремесленники в связи с их конкретной работой. Архитектор все еще может оставить свой след, и даже на строго утилитарном заводе он может взять простые формы инженера и превратить их в великолепное сооружение, подобное господам Дж. Здание Флетчера Хелмла и Корбетта в Нью-Йорке. В той мере, в какой честная инженерия лучше поддельной архитектуры, подлинная архитектура лучше инженерного искусства: поскольку она затрагивает ту же эстетическую и гуманную струну, к которой апеллируют живопись и скульптура сами по себе. Свобода отходить от произвольных и механических прецедентов, свобода проектировать новые формы, которые более адекватно будут соответствовать его задаче, необходимы архитектору. До настоящего времени он мог, по большей части, использовать эту свободу только в традиционных зданиях, таких как церкви, библиотеки и аудитории, которые находятся вне досягаемости нынешнего коммерческого режима и, следовательно, имеют некоторую перспективу долговечности.

Но прежде чем вся масса современных зданий будет готова принять на себя отпечаток архитектора, и прежде чем изделия ручной работы вновь войдут в современные здания, чтобы придать блеск постоянства их украшениям и приспособлениям, в нашей экономической жизни должна произойти довольно основательная переориентация. В то время как здания возводятся для увеличения стоимости участка, в то время как дома строятся по частям, чтобы быть проданными первому попавшемуся негодяю, который должен обеспечить крышу над головой своей семьи, бесполезно заикливаться на служении искусству; и, к сожалению, слишком большая часть наших зданий сегодня покоится на этой основе и демонстрирует все недостатки нашей нынешней экономической структуры.

Глядя на наши зажиточные пригороды и недавно спланированные промышленные города, на зачатки надежной функциональной архитектуры в некоторых наших школах и заводах, легко увидеть, какой могла бы быть архитектура наших различных регионов, если бы у нее была возможность выстроиться в единый шаблон. В настоящее время, однако, невозможно сказать с какой-либо уверенностью, обречены ли наши архитекторы на вытеснение механизмом, или же у них будет возможность вернуть нашей машинной системе часть свободы более раннего режима; и у меня нет желания обременять это обсуждение предсказаниями и увещаниями. Но если выводы, к которым мы пришли, верны, то только вторая возможность обещает хорошую жизнь.

VI

До сих пор мы рассматривали региональное и промышленное значение архитектуры: теперь остается кратко рассмотреть ее связь с самим сообществом.

При строительстве наших городов и деревень основными *нравами*, которые мы переняли, были нравы первопроходцев. Мы видели, как враждебность первопроходца “добывай и двигайся” противоречит оседлой жизни, из которой вырастают упорядоченная промышленность и великолепная архитектура. Мы видели также, как эта враждебность усилилась в девятнадцатом веке из-за необычайного искушения извлечь выгоду из увеличения земельных приростов, последовавшего за ростом населения, в результате чего, как увидел мистер Генри Джордж, вернувшись в города Востока из той части Калифорнии, которая все еще переживала агонию заселения и бедности.

Теперь увеличение численности населения города и повышение номинальной стоимости арендной платы за землю является почти моральным императивом в наших американских

сообществах. Вот почему наши законы о зонировании, которые пытаются регулировать использование земли и предотвращают недобросовестную конкуренцию при получении незаработанного дохода, почти повсеместно оставляют лазейку, с помощью которой владельцы собственности, по взаимному согласию, могут изменить характер района для более интенсивного использования и повышения арендной платы за землю. Все наше городское планирование и все больше и больше сама наша архитектура строятся с учетом предполагаемых изменений стоимости недвижимости. Для спекулянта недвижимостью не имеет значения, что рост города разрушает саму цель, ради которой он может законно существовать, подобно тому, как превращение Атлантик-Сити в пригород Бродвея и Честнат-стрит разрушило его очарование приморской рыбацкой деревушки. На сегодняшний день достаточно зла, которое он творит.

Большинство важных изменений, которые должны быть осуществлены в промышленности и на земле, не могут быть осуществлены без отступления от этих господствующих *нравов*- от обычаев, законов и непростых этических норм, которые мы переносим со времен нашего континентального завоевания. Наследие первопроходцев-рудопромышленников в сочетании с имперским наследием охотника-воина, охотящегося за добычей, лежат в основе нашей современной социальной структуры; и бесполезно ожидать каких-либо жизненно важных изменений в архитектурной среде, пока рудопромышленник и охотник не будут подчинены относительно более цивилизованным типам, озабоченным культурой жизни, а не ее эксплуатацией и разрушением.

Я отдаю себе отчет в том, что постановка проблемы в этих элементарных терминах покажется немного грубой и непривычной в Америке, где посреди нашей шумной городской среды мы теряем из виду лежащую в основе первобытную реальность или — что еще хуже — туманно говорим о “пещерном человеке”, вышедшем на свободу в современной цивилизации. Я не отрицаю, что в нашем устройстве и ситуации есть и другие элементы, которые играют важную роль; но этого достаточно, чтобы выдвинуть здесь идею о том, что наша озабоченность физическими полезностями и коммерческими ценностями является чем-то большим, чем абстрактный недостаток нашей философии. Напротив, мне кажется, что это присуще доминирующим профессиям страны, и преодолеть это не столько морализаторством и увещаниями, сколько тем, из чего можно вырасти, приложив усилия для обеспечения господства и обновления более гуманных профессий.

Наши сообщества росли вслепую и, избегая естественных ограничений, которые сдерживали даже римских инженеров, с другой стороны, не контролировались никакими нормативными идеалами. Одним из шагов в направлении отхода от наших первопроходческих обычаев и привычек было бы рассмотреть, какова природа города и какие функции он выполняет. Господствующая абстрактная культура девятнадцатого века была беспечно равнодушна к этим вопросам, но, как я уже указывал, пуритане не просто признавали их важность, но и соответствующим образом регулировали план и планировку города. Представление о том, что есть что-то произвольное в наложении ограничений на площадь и население города, абсурдно: ограничения уже заложены в физических условиях человеческой природы, как однажды мудро заметил мистер Фредерик Харрисон, в том факте, что люди не могут с комфортом передвигаться быстрее трех миль в час и не могут тратить на физические нагрузки более нескольких часов в сутки. Что касается потребностей в отдыхе, домашней жизни и здоровье, то рост города до такой степени, что жителю окраины приходится два часа в день ездить в метро между своим офисом и местом работы, является неразумным и произвольным.

Город, собственно говоря, существует не за счет скопления домов, а за счет объединения людей. Когда скопление домов достигает такой степени скопления или расширения, что человеческое общение становится затруднительным, это место перестает быть городом. Институты, составляющие город, — школы, клубы, библиотеки, гимназии, театры, церкви и так далее — в той или иной форме восходят к первобытному сообществу: они функционируют на основе непосредственного общения и могут обслуживать через свои отдельные подразделения лишь ограниченное число людей. Если население местного сообщества удвоится, все его гражданское оснащение также должно быть удвоено; в противном случае жизнь, которая функционирует благодаря этим институтам и возможностям, прекратится и исчезнет.

В мои намерения не входит подробно обсуждать различные приемы, с помощью которых может быть ограничена наша практика бесконечного роста и неограниченного приращения. Как только произойдет необходимое преобразование в вере и морали, другие вещи придут легко: например, общественное присвоение незаработанных земельных приростов и применение искусства градостроителя для ограничения тенденции сообщества выходить за свои границы.

В то время как множество других идей и мер имеют первостепенное значение для хорошей жизни сообщества, то, что касается его архитектурного выражения, - это представление о сообществе как ограниченном по численности и площади; и как сформированном не просто скоплением людей, но и их отношением к определенным социальным и экономическим институтам. Четко выразить эти отношения, воплотить их в зданиях, дорогах и садах, в которых каждая отдельная структура будет подчинена целому, — вот цель общественного планирования.

При согласованности и стабильности, на которые указывает этот метод планирования, архитектурный эффект не зависел бы от виртуозности архитектора или особой декоративности и оригинальности какого-либо конкретного здания: он имел бы тенденцию быть рассеянным, так что самый скромный магазин разделил бы триумф с самым заметным общественным зданием. Примеры такого комплексного архитектурного проектирования есть в сотнях маленьких деревень и городков в доиндустриальной Европе, не говоря уже о горстке в доиндустриальной Америке, и общественное планирование снова сделало бы это нашей повседневной практикой. О том, что это можно сделать снова, свидетельствуют примеры Летчворта и Уэлвина в Англии и многочисленных небольших городов с садами, созданных муниципальными властями в Англии и других частях Европы; и там, где в какой-либо степени следовали заветам мистера Эбенезера Ховарда, архитектура быстро приносила пользу.

Разница между общественным планированием и обычным методом расширения города и застройки пригородов была очень хорошо описана в недавнем отчете Американского института архитекторов, подготовленном Комитетом по общественному планированию. “Общественное планирование,” говорится в отчете, - не ставит вопроса о том, какими отчаянными средствами город с населением 600 000 человек может добавить еще 400 000 человек в течение жизни следующего поколения или как город с населением в семь миллионов человек может расширить свои эффективные границы до 29 000 000 человек. Скорее всего, она начинается с другого конца и задается вопросом у мистера Эбенезера Ховарда, насколько большим должен быть город, чтобы выполнять все свои социальные, образовательные и промышленные функции. В нем предпринята попытка установить минимумы и максимумы для различных видов сообществ в зависимости от их характера и функций. Если устоявшиеся методы производства, торговли и финансов имеют тенденцию создавать чудовищные агломерации, которые не

способствуют благосостоянию или счастью людей, общественное планирование должно подвергнуть сомнению эти устоявшиеся методы, поскольку ценности, которые они создают, не имеют ничего общего с существенным благосостоянием самого сообщества, и поскольку созданные таким образом условия препятствуют стабильному архитектурному развитию сообщества”.

Нормативная идея города-сада и деревни-сада является коррективом для плоской и неорганичной концепции городского развития, с которой мы работаем сегодня. Город-сад - это не что иное, как сложное восстановление формы, которой мы когда-то наслаждались на нашем атлантическом побережье и утратили из-за внезапного и почти неконтролируемого доступа к природным ресурсам и людям. То тут, то там предприимчивые и в некоторой степени доброжелательные промышленные корпорации пытались реализовать некоторые принципы застройки городов-садов; а Жилищная корпорация Соединенных Штатов и Совет судоходства начали строить множество замечательных сообществ, когда война положила конец этой обширной инициативе. Эти прецеденты лучше, чем ничего, это само собой разумеется, но в нашей экономической и социальной жизни должна произойти довольно тщательная переориентация, прежде чем город-сад станет чем-то большим, чем прилизанная фраза, лишенная содержания или силы.

Пока наши сообщества не будут готовы к такого рода общественному планированию, которое приведет к созданию городов-садов, говорить о будущем американской архитектуры будет пустым красноречием. Архитектура, предназначенная для развлечения преуспевающего меньшинства или используемая в качестве вывески для рекламы бизнеса, по-прежнему будет ждать полной возможности для творческих достижений.

многообещающих признаков, и если я имел дело с темной стороной картины и иногда переоценивал слабости и дефекты американской традиции, то это только потому, что в нашем нынешнем понимании того, чему американский архитектор уже придал форму, мы, вероятно, забудем о той небольшой области, которую занимают эти достижения. До сих пор мы добивались неплохих результатов; не раз мы достигали *mot juste*, но мы не научились более сложному искусству последовательной речи. Что касается архитектуры всего сообщества, средневековый Бостон и средневековый Новый Амстердам могли похвастаться большим, чем их великолепно одаренные преемники. Точно так же, как великий предок мистера Бэббита, Скаддер, превратил болото в процветающий мегаполис простым способом, назвав его Новым Эдемом, так и мы склонны облегчать свое бремя, называя их "благословениями прогресса"; но это не помогает. Наша механическая и столичная цивилизация, со всеми ее подлинными достижениями, позволила некоторым существенным человеческим элементам выпасть из своей схемы; и пока мы не восстановим эти элементы, наша цивилизация будет находиться в затруднительном положении, и наша архитектура будет безошибочно отражать эту ситуацию.

Дом, место встречи и фабрика; государство, культуру и искусство еще предстоит объединить, и эта задача является одной из фундаментальных задач нашей цивилизации. Как только этот союз будет осуществлен, долгому разрыву между искусством и жизнью, начавшемуся с эпохи Возрождения, будет положен конец. Масштабность нашей задачи могла бы показаться немного обескураживающей, если бы не тот факт, что “против или с нашей воли” наша цивилизация постоянно видоизменяется. Если менее чем за сто лет феодальная цивилизация Японии сможет перенять наше современное механическое оборудование, ничто не помешает нашей

собственной цивилизации снова восстановить свою человеческую основу — ничто, то есть, кроме наших собственных желаний, целей, привычек и целей. Возможно, это ироничное утешение, но средство, которое оно предлагает, реально.

ENVOI

Аристократии мира никогда не сомневались в превосходстве дома, сада и храма над всеми низменными механизмами существования, и народные цивилизации, из которых так часто вырастали аристократии, никогда не отклонялись далеко от этих реалий. В скандинавских баснях гномы считаются странными чудовищами, потому что они всегда “занятые люди”, у которых нет ни гордости, ни радости, кроме выполняемой ими работы и причиняемого ими вреда.

Великая ересь современного мира состоит в том, что он перестал поклоняться Владыкам Жизни, которые заставляли реки течь, заставляли животных спариваться и производили ежегодное чудо растительности: напротив, он пал ниц перед карликами с их механической изобретательностью и гигантами с их идиотской силой. Сегодня нашей жизни постоянно угрожают эти “занятые люди”; мы окружены их машинами, и для богослужения мы вращаем их молитвенные колеса бюрократии.

Так будет не всегда; это было бы чудовищно. Рано или поздно мы научимся выбираться из обломков, созданных карликами, гномами и великанами; в конце концов, используя фигуру Генри Адамса, священная мать вытеснит динамо-машину. Перспективы нашей архитектуры связаны с новой ориентацией на вещи, которые символизируются в доме, саде и храме; ибо архитектура подводит итог цивилизации, которую она олицетворяет, и масса наших зданий никогда не может быть лучше или хуже институтов, которые их сформировали.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Я

Историческая справка

Лучшим знакомством с историей нашей архитектуры и цивилизации являются местные путеводители и исторические книги. Посмотрите, например, превосходную и исчерпывающую иконографию Манхэттена Стокса и "Мемориальную историю Бостона" под редакцией Джастина Уинзора. Обе книги богато иллюстрированы. На волне гражданского энтузиазма, прокатившейся по стране в девяностые годы, было написано множество местных описаний и историй. По большей части они свободные, бессвязные, доверчивые и лишены социологического понимания: но иногда в "матрице" есть крупинка. Серия исторических городов Пауэлла охватывает широкую область. Как региональные истории, “Экономическая и

социальная история Новой Англии" Уидена и "Морская история Массачусетса" Сэмюэля Элиота Морисона стоят особняком: в них мы имеем начало того, что У. Х. Риль назвал "естественной историей" человеческого сообщества.

II

История архитектуры

С тех пор, как колониальная архитектура была переоценена после Гражданской войны, появилось большое количество материалов о ранней архитектуре колоний. До 1900 года большая часть этого была не критичной. Работа Ишама и Брауна над ранней архитектурой Коннектикута и Род-Айленда сделала новый шаг, который господствовал. Продолжались исследования Казинса и Райли по архитектуре Салема и Филадельфии. Обширное исследование г-на Фиске Кимбалла по внутренней архитектуре колоний и Ранней Республики объединяет большое количество достоверных данных. Статьи и иллюстрации, посвященные конкретным аспектам нашей доиндустриальной архитектуры или конкретным регионам — таким, как Ливанская долина в Пенсильвании, — разбросаны по архитектурным периодическим изданиям. За пределами раннего республиканского периода наша архитектурная история подходит к концу. Такие работы, как "Американский строитель коттеджей" Джона Буллока, Нью-Йорк, 1854 год, встречаются почти в каждой старой библиотеке и полны интересных данных. Чтобы восполнить пробел более поздних лет, мы должны обратиться к всеобъемлющему немецкому трактату "Дас Американиш Хаус" Ф. Р. Фогеля, Берлин, 1910. Это может быть дополнено книгами "Дома в городе и за городом" Рассела Стерджиса, Дж. У. Рута и других, Нью-Йорк, 1893.

III

Биографические исследования

Там, где заканчивается формальное описание, начинаются биографии наших главных архитекторов. Следующие книги по порядку охватывают весь период от Революции до нынешнего поколения.

Сэмюэл Макинтайр: Его жизнь и творчество. Ф. Казинс и П. М. Райли, Бостон, 1916.

Жизнь и письма Чарльза Булфинча. Эллен Сьюзен Булфинч, Нью-Йорк, 1896.

Журнал Латроба. Бенджамин Генри Латроб, Нью-Йорк, 1905.

Генри Хобсон Ричардсон. Миссис Шайлер Ван Ренсселер, Бостон, 1888 год.

Чарльз Фоллен Макким. А. Х. Грейнджер, Бостон, 1913.

Дэниел Х. Бернхэм. Чарльз Мур, Нью-Йорк, 1921.

Автобиография идеи. Луис Х. Салливан, Нью-Йорк, 1924.

IV

Современная работа

Портфолио работ современных архитекторов настолько многочисленны, что выделять какие-либо из них было бы оскорбительно. С файлами Architectural Record, the American Architect, House and Garden, Arts and Decorations — не говоря уже о более доступных периодических изданиях — следует обращаться, в частности, за иллюстрациями.

V

Эстетика

В качестве введения в архитектуру в целом официальные учебники иногда бывают полезны. Однако позвольте мне особо отметить книгу Виоле-ле-Дюка "Жилища человека во все века". Археология и этнология этой работы, само собой разумеется, устарели, но, несмотря на все это, она представляет постоянный интерес, и давно пора, чтобы кто-нибудь подхватил тему Виоле-ле-Дюка и переработал ее в свете современных исследований. Пока я реставрирую классику, позвольте мне добавить еще одну: "Семь архитектурных светильников" Раскина. Сегодня Раскином пренебрегают, как и в его собственном поколении, люди, которые еще не догнали его. Однако необходимы и его проницательность, и непоколебимый интеллект, и больше нет необходимости предостерегать ученика от его причуд и солецизмов. Раскин написал "апологию модернизма в искусстве", сказав: "Была бы надежда, если бы мы могли заменить паралич на ребячество", и он предвосхитил современное украшение, сказав: "Я считаю, что единственный доступный нам способ богатого орнамента - это геометрическая цветная мозаика, и многое могло бы получиться в результате упорного использования этого способа дизайна". Если уж на то пошло, Раскин даже предсказал использование в архитектуре стальных рам. "Семь светильников архитектуры" завершаются пророческим словом, которое сегодня значит для нас гораздо больше, чем для современников Раскина. "Я мог бы улыбнуться, - сказал он, - когда слышу обнадеживающее ликование многих по поводу новых достижений мировой науки и энергии мирских усилий; как будто мы снова стоим в начале новых дней. На горизонте гремит гром, так же как и рассвет". Мы, видевшие удар молнии, вполне можем перечитать эти слова

Что касается современных книг по архитектуре и эстетике, позвольте мне порекомендовать несколько. Среди них обратите внимание на книгу У. Р. Летаби "Форма в цивилизации". В резком контрасте с профессором Летаби находится книга Джеффри Скотта "Архитектура гуманизма", Бостон, 1914. Я не принимаю основную позицию мистера Скотта, но в ее пользу можно кое-что сказать, и он говорит это хорошо. Обе точки зрения отражены в различии, которое мистер Клод Брэгдон проводит между Органичным и Упорядоченным в одной из Шести лекций по архитектуре. Исходя из ограниченной области, "Эстетические основы греческого искусства" Риса Карпендера приходят к выводам, которые освещают почти все области эстетики. В книге "Верная архитектура" есть умелое изложение абсолютистской, механической точки зрения архитектора, псевдоним которого "Ле Корбюзье-Сонье". В "Размышлениях" мистер Т. Э. Халм представляет интересную философскую апологию механицизма.

VI

Социология

Чтобы узнать о гражданской и социологической подоплеке этого исследования, обратитесь к книге профессора Патрика Геддеса "Города в эволюции", Лондон, 1915, а также к его "Принципам социологии по отношению к экономике". Последнее можно получить в Le Play House, 65 Белгрейв-роуд, Лондон, S. W. 1. Глава о Вестминстере, написанная мистером Виктором Брэнфордом в книге "Наше социальное наследие", Лондон, 1919 год, представляет собой уникальное введение в непосредственное изучение социальных институтов и их архитектурных форм. Другие тома серии "Создание будущего" под редакцией Геддеса и Брэнфорда. Геддес и Брэнфорд также должны занять важное место на полке у студента.

Свет на наши более насущные проблемы можно найти в файлах журнала Американского института архитекторов. Обратите особое внимание на статью г—на Ф. Л. Аккерманна "Ремесленники—машины—Скорость-кредит", июнь 1923 г., и статью г-на Бентона Маккея о предлагаемой Аппалачской тропе. Смотрите также степенное число на графике опроса. Отчет Комитета по общественному планированию Американского института архитекторов (1924) следует читать в связи с последней главой: в нем подробно рассматриваются трудности, с которыми сталкивается архитектор при нашем нынешнем экономическом и социальном устройстве. Посмотрите также классическую книгу Эбенезера Ховарда "Города-сады завтрашнего дня".

Конец

Примечания переписчика:

Пунктуация приведена в соответствие.

Варианты написания и расстановки переносов были сохранены в том виде, в каком они представлены в оригинальной публикации, за исключением того, что были исправлены очевидные типографские ошибки.